

Д. С. ЛИХАЧЕВ

ИЗУЧЕНИЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ВОПРОС О ЕГО ПОДЛИННОСТИ

Почти 170 лет находится «Слово о полку Игореве» в поле зрения издателей, исследователей, переводчиков, поэтов, художников и просто читателей. Оно породило огромную исследовательскую литературу, вошло в русскую поэзию, в русскую художественную литературу, в русскую музыку, отразилось в живописи, во всех исследованиях древней русской культуры. Оно само стало явлением культуры не только древней, но и новой.

В конце XIX в. сомнения в подлинности «Слова о полку Игореве» были заявлены французским славистом Луи Леже.¹ В последнее десятилетие небольшая группа скептиков возглавляется во Франции А. Мазоном. Скептики выступили с рядом работ и высказываний, объявляющих «Слово» шовинистической подделкой конца XVIII в. Эта группа скептиков не встречает поддержки у подавляющего большинства славистов мира.²

Не углубляясь в психологические и идеологические объяснения появления этой группы скептиков, мы должны, однако, трезво оценить все ее доводы и, с другой стороны, рассмотреть основные аргументы в пользу подлинности «Слова», которые могут быть извлечены из многочисленных работ по «Слову», вышедших больше чем за полтора столетия, прошедших со времени его открытия.

Цель данной статьи — показать, как подлинность «Слова» получала все новые и новые подтверждения в ходе его постепенного изучения, как среди новых открытий литературоведов, искусствоведов, археологов, языковедов и историков культуры древней Руси все увеличивалось число фактов, подтверждающих уверенность в подлинности «Слова», объяснявших отдельные его стороны и места, ранее казавшиеся неясными или «одинокими».

¹ См.: L. L e g e r. 1) Russes et slaves. Études politiques et littéraires. Paris, 1890, стр. 90, 93—94; 2) Славянская мифология. Воронеж, 1908, стр. 4—5. (Перевод с французского издания 1900 г.).

² См. об этом в работе Р. Якобсона «The puzzles of the Igor' Tale on the 150th anniversary of its first edition» (Speculum, 1952, January).

*

«Слово о полку Игореве» дошло до нас в единственном списке, и этот единственный список, находившийся в руках наиболее компетентных исследователей конца XVIII—начала XIX в. в течение 15 или 20 лет, сгорел затем в московском пожаре 1812 г. вместе со всем богатейшим собранием рукописей графа А. И. Мусина-Пушкина.

Утрата этого списка нанесла чрезвычайный ущерб изучению «Слова». Есть ли, однако, что-либо подозрительное в том, что список был единственным, поздним, и в самом факте его утраты?

Как известно, «Слово» было обнаружено не в древнем списке, а в относительно позднем, как предполагают исследователи, — XV или XVI в. В факте этом нет ничего исключительного. Только в бумажных списках (т. е. в списках не ранее XV в.) представлены следующие произведения домонгольской литературы: «Слово о законе и благодати» Илариона, поучения Феодосия Печерского, «Хождение» игумена Даниила, «Моление» Даниила Заточника, слова Серапиона Владимирского, «Слово о князьях», «Поучение» Ильи-Иоанна, «Житие Авраамия Смоленского», послание к пресвитеру Фоме Климента Смолятича, «Житие Александра Невского», «Слово о погибели Русской земли», «Словеса святых пророк», «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, «Александрия», «Сказание об Индийском царстве», «Повесть об Акире», «Девгениево деяние» и мн. др. То обстоятельство, что список «Слова», по свидетельству всех его видевших, был сравнительно поздним, полууставным, писанным на бумаге (бумага вошла в широкий обиход только с XV в.), может служить скорее всего аргументом в пользу подлинности «Слова», чем давать основания подозрениям. Ведь все известные нам подделки первой половины XIX в. претендовали быть рукописями, современными созданию памятника, а не одним из его поздних списков. Таковы все подделки, сделанные наиболее известными фальсификаторами начала XIX в. — А. И. Бардиным и А. И. Сулакадзевым.³

Так же точно нет никаких оснований подозревать А. И. Мусина-Пушкина в том, что он намеренно сжег единственную рукопись «Слова» вместе со всем своим домом, имуществом и исключительно ценным собранием рукописей, среди которых, между прочим, была и знаменитая Троицкая пергаменная летопись⁴ — исключительно важный исторический источник, своевременно оцененный Н. Карамзиным в его «Истории государства Российского».

³ См.: М. Н. С п е р а н с к и й. Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев). — ПИ, т. V, М., 1956.

⁴ Восстановление этой сгоревшей летописи см. в книге: М. Д. П р и с е л к о в. Троицкая летопись (реконструкция текста). М.—Л., 1950.

Какой опасности уничтожения подвергались единственные списки многих наших рукописей, показывает, например, история драгоценного списка Лаврентьевской летописи, в которой читается единственный список «Поучения» Владимира Мономаха. Как известно, Лаврентьевская летопись была приобретена Мусиным-Пушкиным случайно в 1792 г. Если верить его рассказам, он купил эту летопись с возом книг внука и наследника петровского комиссара Крекшина. По этой рукописи А. И. Мусин-Пушкин издал в 1793 г. «Поучение» Владимира Мономаха.⁵ Это издание, кстати сказать, очень схожее с изданием «Слова о полку Игореве»,⁶ являлось долгое время единственным изданием «Поучения» и несомненно осталось бы единственным, если бы Лаврентьевскую летопись постигла та же участь, что и рукопись «Слова», а опасность разделить участь «Слова» была, как уже говорилось, очень велика. В 1804 г. А. И. Мусин-Пушкин передал рукопись Лаврентьевской летописи для издания в Московское общество истории и древностей российских. В этом Обществе рукопись находилась очень долго. Только накануне Отечественной войны — в 1811 г. А. И. Мусину-Пушкину удалось после неоднократных требований получить свою рукопись обратно, и это спасло ее от уничтожения, так как в 1812 г. все бумаги Общества сгорели в московском пожаре. Но и в собрании А. И. Мусина-Пушкина Лаврентьевская летопись подвергалась той же опасности уничтожения. Как известно, собрание А. И. Мусина-Пушкина также сгорело в московском пожаре 1812 г., когда сгорела и рукопись «Слова о полку Игореве». Спасла Лаврентьевскую летопись вторая случайность. А. И. Мусин-Пушкин, испуганный настойчивыми и неоднократными предложениями английского посла Дугласа купить эту рукопись, решил устроить ее в более надежное хранилище, чем его собственное, и в 1811 г. преподнес ее императору Александру I, передавшему ее на хранение в Публичную библиотеку в Петербурге.

Таким образом, случайно приобретенное, «Поучение» Владимира Мономаха дважды подвергалось опасности сгореть (либо в составе бумаг Общества истории и древностей, либо в собрании самого А. И. Мусина-Пушкина) и сохранилось благодаря чистым случайностям.

Если бы не эти совершеннейшие случайности, возникла бы опасность скептического отношения и к «Поучению» — этому исключительно оригинальному и не имеющему аналогий собранию

⁵ Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в Летописи суздальской «Поучением». СПб., 1793.

⁶ См.: Д. С. Л и х а ч е в. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. — ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 67 и сл.

сочинений Владимира Мономаха: собственно «Поучению», его автобиографии, его письму к Олегу Святославичу и молитве. Ни одно из этих сочинений не имеет близких параллелей в домонгольской литературе. «Поучение» принадлежит не духовному лицу, как бывало обычно, а князю и имеет не только религиозные, но и политические задачи; жанр автобиографии не встречается нам до XVII в., неизвестна и переписка между князьями домонгольской Руси, а молитва, сочиненная князем, представляет собой нечто совершенно исключительное в церковной практике домонгольской Руси. Не менее подозрительными могли бы показаться «темные места» «Поучения», ряд нигде более не встречающихся слов и выражений, крайнее своеобразие летописи походов Мономаха, высокие художественные достоинства этого произведения и т. д. Не будь бесспорной рукописи, можно было бы подумать, что мусин-пушкинское издание Мономахова сочинения — не более, чем неловкая мистификация, кое в чем противоречащая самой Лаврентьевской летописи, грубо разорвавшая ее текст, политические цели которой могли показаться достаточно ясными: пропагандировать сильное монархическое начало в русской жизни, всегда опиравшееся на авторитет родоначальника княжеской династии — Владимира Мономаха, с именем которого было связано и происхождение царских регалий. Можно было бы приписать «Поучению» стремление обосновать территориальные претензии на Западе в единственных своего рода упоминаниях походов Мономаха в Богемию — «за Глоговы до чешьскаго леса»⁷ и на Берестье (нынешний Брест).⁸

Рукопись «Слова» видели не только первые его издатели, переводчики и комментаторы. Рукопись видел Н. М. Карамзин, сделавший из нее ряд выписок, и один из лучших знатоков древнерусской палеографии того времени — А. И. Ермолаев, определивший ее временем XV в., а почерк — полууставом.⁹

*

И первые комментарии и первые переводы «Слова» ясно показывают, что первоначально многие места «Слова», которые сейчас не вызывают у нас никаких сомнений, были трудны для понимания. «Слово» не было понято эпохой его открытия. Этого не могло бы случиться, если бы «Слово» было продуктом той же эпохи.

⁷ Повесть временных лет, т. II. Серия «Литературные памятники», Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 441.

⁸ См.: там же, стр. 440.

⁹ Виднейший русский филолог начала XIX в. А. Х. Востоков писал: «Мне сказывал знаток (покойный А. И. Ермолаев), видевший рукопись до истребления ее в 1812 году, что почерк ее был полуустав XV века» (сб. «Рукою Пушкина», М.—Л., 1935, стр. 585).

Оно должно было бы в этом последнем случае нести отпечаток знаний своего времени, стоять никак не выше этих знаний.

Чтобы показать, насколько отличается наше понимание «Слова» от того, которое было у его первых исследователей, приведу несколько примеров. Примеры эти ясно покажут, насколько успешным было изучение «Слова», насколько прояснился текст «Слова» с момента его открытия, чего никак не могло бы случиться, если бы «Слово» было простой фальсификацией.

Глагол «помняшетъ» 3-го лица единственного числа прошедшего времени несовершенного вида понят и в Екатерининском списке и в первом издании как 1-е лицо множественного числа настоящего времени: «Мы помним» (Екатерининский список) и «памятно нам» (первое издание).

«Оба полы» (во фразе «свивая славы оба полы сего времени») понято как «древнюю» в Екатерининском списке и в первом издании.

Из вполне ясного и обычного слова «къмети» в Екатерининской копии и в первом издании сделано два слова: «къ мети», и все выражение «свѣдоми къмети» переведено: «в цель стрелять довольно сведомы» (в Ек. сп.) и «в цель стрелять знаючи» (в первом изд.). Характерно, что так же разделено это слово «къмети» и в мусин-пушкинском издании «Поучения».¹⁰ Ясно, что перед нами простое непонимание слова «къмети», отражавшее уровень тогдашней осведомленности в древнерусском языке, а не сознательная мистификация.

«По влѣзѣ (т. е. «по Волге») в Екатерининском списке переведено «по Ворскле». Вместо города «Сурожа» переводчик Екатерининского списка вставил реку «Суугли». В первом издании эти два слова уже поняты, но переводчик и первого издания и Екатерининского списка не понял слов «Поморье», «Посулье» и перевел: «по морю, по Суле».

Обычное древнерусское слово «шеломя» (холм) комментатор определил так: «Шеломая была пограничная волость русских к половцам» (Ек. сп.) и «Русское село в области Переяславской, на границе с половцами лежащее близь реки Ольты. Татищев, ч. III, стр. 120».¹¹

Выражение «на борони» в Екатерининском списке переведено «в руке правой» (т. е. на правом фланге), а в первом издании несколько лучше — «на стороже». Переводчики не поняли, что

¹⁰ Д. С. Лихачев. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в., стр. 78.

¹¹ Слово «шеломя», которое не поняли первые издатели «Слова», приняв его за название села, впервые правильно истолковал А. Х. Востоков, указав ему параллели в летописи и правильно раскрыв его значение — «холм», «возвышенность» (Цветник, 1810, № 5—6, ч. 6, стр. 314).

в слове «боронь» перед нами полногласная форма церковнославянского «брань» (сражение).

Были «вѣчи (т. е. века) Трояни» в обоих списках переведено «бывали вечи (съезды) Трояновы».

Совершенно не понято было и в Екатерининском списке и в первом издании место: «Съ тоя же Каялы Святополк повелѣя отца своего между Угорьскими иноходьци ко святѣй Софии къ Киеву». В Екатерининской копии это место переведено совершенно нелепо: «С той же Каялы вел Святополк войска отца своего между угорскою конницею ко святой Софии к Киеву», а в первом издании: «С той же Каялы вел Святополк войски отца своего сквозь Венгерскую конницу в Киев ко святой Софии».

Об «Олеге Гориславиче» в первом издании в примечании сказано: «неизвестен». «Карна» и «Жля» приняты за половецких ханов. Выражение «ни мало того потрепати» переведено: «отнюдь не возвратить» (Ек. сп.), «не возвратить» (первое изд.). Кощей и Чага приняты за собственные имена лиц.

Слово «толковины», известное из летописей, переведено «раковины». «Хин» переведено как «хан». «Готские» красные девы определены как половецкие. Хан «Шарукан» первоначально принят за город и только в первом издании определен как «князь». Не поняли первые переводчики слова «сыновец». Форма «мужаимся» в Екатерининском списке разделена: «мужа имѣся», а в первом издании еще более нелепо: «му жа имѣся», и в обоих случаях даны ни с чем не сообразные переводы.¹² Характерно, что в издании «Поучения» Владимира Мономаха А. И. Мусин-Пушкин не понял слова «мужство» так же, как в «Слове о полку Игореве» он не понял слова «мужаться». В издании «Поучения» вместо слов «мужство» и «грамоту» А. И. Мусин-Пушкин напечатал: «мужь твой грамоту».¹³

Выражение «се у Римъ кричатъ» разделено в обоих списках: «се Уримъ кричатъ», и слово «Уримъ» принято за имя собственное.

Не сумели определить первые комментаторы, о каком «сыне Глебовом» идет речь в «Слове», хотя сделать это было совсем не трудно, исходя из событий, в связи с которыми упомянут Владимир Глебович в «Слове».

«Великого князя Всеволода Суздальского» первые комментаторы определили как Всеволода Ольговича — отца Святослава Киевского.

¹² Впервые правильно прочел это место издания 1800 г. — «мужаимѣся» В. Г. Анастасевич (см. об этом в статье: Ф. Я. П р и й м а. «Слово о полку Игореве» в научной и художественной мысли XIX в. — Сб. «Слово о полку Игореве», исследования и статьи, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950).

¹³ См.: Д. С. Л и х а ч е в. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в., стр. 78.

Не сумели первые комментаторы определить и того, кто такие «удалые сыны Глебовы». Не определили они и Романа и Мстислава, Ингваря, Всеволода и «всех трех Мстиславичей», Изяслава Васильковича. Они превратили бога Хорса в город Херсон, перевели «до куръ» — «до Курска» и т. д.

Совсем нелепо передано и переведено следующее место: «сего бо нынѣ стапа стязи Рюриковы, а друзии Давидовы; нѣ розьно ся имѣ хоботы пашуть». «Нѣ розьно ся» разбито следующим образом: «нѣ рози нося», а перевод в первом издании дан такой: «Теперь знамена его достались одни Рюрику, а другие Давыду; их носят на рогах, вспахивая землю»!

Не поняли первые переводчики «Слова» и то, что такое «зегзица» и многое другое.

Особенно ярко неподготовленность ученых конца XVIII в. к пониманию «Слова» выразилась в неправильном прочтении текста, в неправильном разделении его на слова (в рукописи «Слова», по свидетельству видевших ее,¹⁴ текст был написан в сплошную строку, без разделения на слова). Кроме уже приведенных выше бессмысленных разделений текста на слова («къ мети», «му жа имѣся», «по морию», «Уримъ» и др.), приведем и такие: «стугою», «на ю» (вм. «наю» — родительный падеж двойственного числа 1-го лица), «по скочи», «небылонъ» (вм. «не было онъ»),¹⁵ «сице и рати» (вм. «сицей рати»), «затвори въ Дунаю ворота» (вм. «затворив Дунаю ворота») и мн. др.

Первые комментаторы совсем не поняли того места «Слова», где говорится: «Бориса же Вячеславлича слава на суд приведе». Их объяснения этого места беспомощны и очень характерны для состояния исторических знаний своего времени. В Екатерининском списке к этому месту дано следующее примечание: «Бориса Вячеславлича по родословным не находится; а упоминается о Борисе Всеславиче, сыне князя Всеслава Брячиславича, который был на княжении Полоцком от 1073 по 1128 год. И хотя он с прочими удельными князьями полоцкими в 1128 и был призван великим князем Мстиславом на суд в Киев, но не за обиду Ольги младого князя, а за то, что оные князи полоцкие по призыву

¹⁴ Об этом, в частности, писал К. Ф. Калайдовичу и сам А. И. Мусин-Пушкин. Последний утверждал, что рукопись разобрать было «весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, и и р а з д е л е н и я с л о в» (К. Ф. К а л а й д о в и ч. Библиографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа А. И. Мусина-Пушкина. — Записки и труды ОИДР, ч. II, 1824).

¹⁵ Впервые обнаружил, что чтение первого издания «Небылонъ обидѣ порождено» следует исправить на «Не было оно обидѣ порождено», А. Шишков (Сочинения и переводы, издаваемые Российской академией, ч. I, СПб., 1805, стр. 112). С тех пор это прочтение прочно вошло в науку, и правильность его не вызвала никаких сомнений.

великого князя на войну против половцев не только не пошли, но сделали ему постыдной отказ».

Происхождение этого нелепого примечания хорошо объяснил А. В. Соловьев. Он пишет: «Итак, первые комментаторы „Слова“ совершенно не поняли прекрасной метафоры о смерти Бориса Вячеславича в бою на Нежатиной ниве в 1078 году и решили, что поэт говорит о предполагаемом вызове на суд полоцкого Бориса Всеславича в 1128 году. Основанием для этой грубой ошибки было то, что в „Истории“ Татищева князь Борис, павший на Нежатиной ниве в 1078 году, назван не Вячеславичем, а Святославичем, и считается родным братом Олега (История, II, 134). Однако в Никоновской летописи, давно уже изданной (изд. 1767 г., I, 188), Борис правильно назван „Вячеславичем“. Казалось, легко было бы, по связи с Олегом, установить, что поэт имел в виду битву 1078 года, и исправить ошибку Татищева при помощи Никоновской летописи, но в это издание ни один из членов кружка не заглянул. И когда, четыре года спустя, Малиновский дал около 1799 года свое рукописное примечание, он говорит то же самое: „По летописям Бориса Вячеславича не значится; а упоминается о князе Борисе Всеславиче, который с 1073 по 1128 был на княжении полоцком. Хотя он и призван был на суд в Киев, но не за обиду молодого князя Олега, а за то, что по назначению великого князя Мстислава I отказался идти войною на половцев“. Особенно интересно утверждение: „по летописям . . . не значится“, — из этого видно, что ни Бантыш-Каменский, ни Малиновский, занятые архивной работой по московскому периоду, не имели времени изучать по первоисточникам историю домонгольской Руси (даже по напечатанной уже Никоновской летописи) и ограничивались только трудом Татищева для справок. Но и его они читали невнимательно, ибо утверждали, что Борис Всеславич княжил в Полоцке с 1073 по 1128 год, тогда как Татищев приводит смерть его отца Всеслава под 1101 годом; кроме того, Татищев нигде не говорит, чтобы полоцких князей призывали на суд в Киев. Наконец, в исправленном издании 1800 года примечание приняло следующий вид: „Сей *Борис* по Ростовской и Никоновской летописям *Вячеславичем*, а у Нестора и Татищева *Святославичем* назван, и в поколенной 1 росписи Г. Стриттера *Истории Российского государства в 7 степени показан Борисом Вячеславичем*. Но почему он призван был на суд великого князя, летописи о сем умолчали“. Тем не менее дальше приведено длинное описание „обряда съездов для суда“ (по Татищеву, II, 195 и 196). Итак, ученые архивисты наконец заглянули в Никоновскую летопись и в историю Стриттера и нашли Бориса Вячеславича. В обеих первоначальных версиях первого издания сохранено примечание, отвергающее историчность Бориса Вячеславича, а спи-

сок опечаток при окончательной версии первого издания любопытным образом продолжает отсылать к тому же упраздненному примечанию, трактовавшему о Борисе Всеславиче». ¹⁶

Вся история с толкованием этого места ясно показывает не только приемы комментирования, источники исторических сведений первых комментаторов, но, в известной мере, характеризует и состояние исторических знаний конца XVIII в., а также показывает, что «Слово о полку Игореве» никак не могло быть составлено по «Истории российской» В. Н. Татищева, как это пытается утверждать А. Мазон. ¹⁷

Напротив, в данном случае совершенно ясен разрыв между «Словом» и источниками для его комментирования. Первые комментаторы и переводчики оказывались не на высоте «Слова». Источники XVIII в., и в том числе настольная книга всех изучавших древнюю русскую историю — «История российская» В. Н. Татищева, не давали достаточного материала для понимания «Слова».

Число примеров непонимания «Слова» можно было бы значительно увеличить, но и приведенных достаточно, чтобы отчетливо представить себе, как многое в «Слове», что кажется нам теперь совершенно ясным, было не понято в конце XVIII в.

Отсюда видно, что среди первых переводчиков, комментаторов и издателей «Слова» не могло быть предполагаемого фальсификатора «Слова». ¹⁸ Считать, что фальсификатор намеренно неправильно передавал текст, переводил и комментировал в расчете, что когда-либо текст будет понят правильно и это послужит доказательством его подлинности, совершенно невозможно. Этому противоречила бы не только обычная практика фальсификаторов, никогда во все века не оставлявших в тексте такого рода хитромудрых «мин замедленного действия», а всегда рассчитывавших на первое впечатление, на убедительность для современников, а не для их потомков, но и то обстоятельство, что непонятные для них места были непонятны в строгом соответствии с уровнем тогдашних филологических и исторических знаний в целом. Слова «къмети» и «мужаимъся» были не поняты не только в первом издании «Слова», но, как мы уже указали, и в вышедшем за 7 лет перед тем издании «Поучения».

¹⁶ А. В. Соловьев. Екатерининский список и первое издание «Слова». В кн.: А. Соловьев и Р. Якобсон. «Слово о полку Игореве» в переводах конца восемнадцатого века. Leiden, 1954, стр. 15—16.

¹⁷ См.: А. Мазон. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940, стр. 173.^{*}

¹⁸ Мысль эта была высказана уже А. Брюкнером: «Как раз потому, что „Слово о полку Игореве“ — подлинное произведение, оно включает в себе так много темных мест» и «Как раз непонятность „Слова“ во многих местах свидетельствует о его подлинности, потому что подделыватели избегали бы вносить в текст неясности» (А. В. Грюскнер. Die Echtheit des Igorliedes. — Z. sl. Phil., 1937, XIV, стр. 52).

Приведенные примеры показывают также, насколько серьезно расходится наше современное понимание «Слова о полку Игореве» с тем, которое было при его открытии. Это наше современное понимание «Слова» — результат изучения «Слова» и его эпохи. Следовательно, изучение «Слова» отнюдь не топчется на месте, как это непременно было бы, если бы перед нами был фальсифицированный памятник. Только безнадежно испорченные места, каких, кстати, много и в других памятниках древнерусской литературы, особенно в тех, которые дошли в единственных списках, остаются до сих пор без удовлетворительного объяснения.

*

В проблеме подлинности «Слова» очень большую роль играет вопрос о том, были ли первые владельцы списка «Слова», первые издатели, лица, видевшие список «Слова» и работавшие над переводами и изданием, уверены в его подлинности. Ведь если автором «подделки» был А. И. Мусин-Пушкин, А. Ф. Малиновский, Н. Н. Бантыш-Каменский или кто-либо другой,¹⁹ то это неизбежно так или иначе должно было сказаться в их поведении.

Между тем, вот что рассказывает известный археограф, собиратель и знаток древнерусских рукописей М. П. Погодин о случае, происшедшем уже после того, как сгорел единственный список «Слова»: «. . . покойник (А. И. Бардин, — Д. Л.)²⁰ мастер был подписываться под древние почерки. И теперь между любителями рассказывается один забавный случай, как подшутил он над знатоками, графом А. И. Мусиным-Пушкиным и А. Ф. Малиновским. Граф приезжает в восторге в Историческое общество:²¹ „Драгоценность, господа, приобрел я, драгоценность!“ — восклицает он, и все члены изъявляют нетерпеливое любопытство: — „Что такое, что такое?“ — „Приезжайте ко мне, я покажу вам“. Поехали после собрания; граф выносит харатейную тетрадку, пожелтелую, почернелую. . . Список „Слова о полку Игореве“. Все удивляются, радуются. Один Алексей Федорович (Малиновский, — Д. Л.) показывает сомнение. „Что же вы?“ — „Да ведь и я, граф, купил вчера список подобный!“ — „Как так?“ — „Вот как“. — „У кого?“ —

¹⁹ Первоначально А. Мазон намекал, что автором «Слова» был А. И. Мусин-Пушкин (M a z o n. Le Slovo d'Igor, 1940, стр. 76—77). Затем А. Мазон стал считать, что подделыватель — Н. Н. Бантыш-Каменский (A. M a z o n. L'auteur probable du Poème d'Igor. — Académie des inscriptions, Comptes rendus, 1944).

²⁰ Известный фальсификатор рукописей начала XIX в. О нем см.: М. Н. С п е р а н с к и й. Русские подделки рукописей в начале XIX века.

²¹ Общество истории и древностей российских при Московском университете (Д. Л.).

„У Бардина“. — Тотчас послан нарочный, привезена рукопись. Оказалось, что оба списка работы покойного. . . не тем будь помянут».²²

М. П. Погодин рассказывает достоверный факт. А. И. Бардин действительно продал в конце мая 1815 г. А. И. Мусину-Пушкину и А. Ф. Малиновскому поддельные рукописи «Слова»,²³ причем за цену очень высокую. Бедному чиновнику А. Ф. Малиновскому, получавшему совсем небольшое жалованье, было не легко выложить 160 рублей.

Совершенно ясно, что если бы А. Ф. Малиновский или А. И. Мусин-Пушкин знали, что «Слово» — памятник поддельный, ни один из них не дал бы и рубля за изготовленные А. И. Бардиным экземпляры.

Попутно обращу внимание еще на один факт. Поддельные рукописи редко воспроизводят списки с несколькими произведениями. Есть поддельные экземпляры «Поучения» Владимира Мономаха (мне известен один), «Русской Правды» (пять), «Слова о полку Игореве» (четыре) и т. д., но мне неизвестен ни один случай подделки целого сборника или летописного свода, а ведь именно в сборниках и сводах в подавляющем большинстве случаев сохранились до нас памятники русской древности. Объясняется это двумя причинами: 1) подделать целый сборник вследствие его объема очень трудно, почти невозможно; 2) подделыватель имеет определенную цель — он стремится к фабрикации одного только произведения, в сборниках же соединены бывают в среднем от 15 до 20 произведений; среди них, конечно, есть и неценные. И вот характерное явление: «Слово о полку Игореве» дошло до нас в составе огромного, крупноформатного хронографа. Следовательно, в подделывателе нужно было бы предположить отступление от всей практики подделывателей (в том числе и наиболее терпеливых и «опытных» — А. И. Бардина и А. П. Сулакадзева) и необыкновенную его работоспособность.²⁴

Вернемся к подделкам «Слова» А. И. Бардина. Замечательно, что те ученые, которые видели рукопись «Слова о полку Игореве», имели с ней дело и отнюдь не сомневались в ее подлинности, действительно поддельную рукопись «Слова», сделанную опытным

²² М. П. Погодин. Некролог А. И. Бардину. — Москвитянин, 1841, № 3, стр. 245.

²³ Та и другая рукописи сохранились. О покупке А. Ф. Малиновским поддельной рукописи «Слова» см. бумаги А. Ф. Малиновского (Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, стр. 41—49; «Слово о полку Игореве». Изд. Сабашниковых, М., 1920, Приложение). Список, приобретенный А. Ф. Малиновским, был впоследствии подробно описан А. Е. Викторовым в «Отчете Московского и Румянцевского музеев за 1870—1872 гг.» (М., 1873, № 21, стр. 66).

²⁴ О трудностях подделки рукописи «Слова» в составе целого сборника см. ниже, в статье Н. М. Дылевского, стр. 206—209.

фальсификатором начала XIX в. А. И. Бардиным, сразу же признали поддельной. В числе признавших рукопись А. И. Бардина подделкой был и опытный палеограф А. И. Ермолаев, видевший перед тем подлинную рукопись «Слова» и отнюдь не сомневавшийся в ее подлинности. Корреспондент Н. П. Румянцева Нестерович писал ему: «Быв свидетелем невыгодного отзыва г-на Ермолаева о найденном древнем списке Песни о полку Игореве, будто список сей подделан, приятнейшим для себя почел долгом сообщить о сем вашему превосходительству».²⁵ Письмо это написано ровно через два месяца после приобретения А. Ф. Малиновским подделки. Н. М. Карамзин, также знавший подлинную рукопись «Слова», говорил сперва о «неисправности» списка А. И. Бардина,²⁶ а затем как о «любопытном подлоге».²⁷

*

Подделки не существуют сами по себе вне времени и пространства. Самая гениальная подделка связана с уровнем «техники подделок» своего времени и не может рассматриваться изолированно от других подделок той же эпохи. Чтобы уровень «возможностей» конца XVIII в. для подделки памятников древней русской литературы был полностью ясен, напомним хотя бы о знаменитом «Гимне Бояна Летиславу», сочиненном уже в начале XIX в. — в 1810 г. наиболее опытным фальсификатором того времени Сулакадзевым.

Однако дело не только в профессиональных фальсификаторах, но и в общем состоянии русской поэзии конца XVIII в., в поэтических вкусах, литературных представлениях того времени. С этой точки зрения известную ценность для доказательства невозможности подделки «Слова» представляют многочисленные подражания «Слову», появившиеся после его опубликования. Они отчетливо показывают, как примитивно и неуклюже представлялась в начале XIX в. поэзия древней Руси даже лучшими поэтами своего времени. Поэты и ученые сопоставляли автора «Слова» и Бояна с Оссианом, с Гомером, Пиндаром, Горацием, со скальдами и бардами. Подражание «Слову» встречается в поэзии Г. Державина, М. Хераскова, в прозе Н. Львова, В. Нарезного и мн. др. Все они в очень сильной степени пронизаны наивными литературными клише своего времени и даже отдаленно не напоминают произведения эпохи «Слова о полку Игореве».

²⁵ Переписка Н. П. Румянцева с московскими учеными. М., 1882, стр. 19. Дата письма: 23 июля 1815 г.

²⁶ В письме А. И. Тургеневу 1815 г. (см.: Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу. Москвитянин, 1855, № 1).

²⁷ Москвитянин, 1855, № 1, стр. 101—102. Сведения эти приводятся в статье М. Н. Сперанского «Русские подделки рукописей в начале XIX века».

Не могли освободиться от очень решительных впечатков своего времени и первые переводчики «Слова»: И. Сиряков, А. Палицин, Н. Язвницкий, И. Левитский, В. Жуковский, Я. Пожарский, А. Шишков, Н. Грамматин и В. Капнист. Спрашивается, если в начале XIX в. не могли отделить современности от старины все переводчики «Слова», то мог ли безвестный фальсификатор «Слова» в конце XVIII в. с таким знанием и чувством не только литературы древней, но и литературы современной ему освободить свое произведение от всего, что эту современность напоминало? Ведь все то, что указывается А. Мазоном как следы предромантизма, целиком совпадает с тем, что есть и в «Задонщине» («див», мрачный колорит природы, предвестия, предзнаменования и пр.). Между тем в любом из многих поэтических переводов начала XIX в. совсем нетрудно обнаружить поэтические клише своего времени.²⁸

*

Первая половина XIX в. в изучении «Слова» отмечена существованием скептического отношения к подлинности «Слова» у ряда тогдашних ученых. Это скептическое отношение заявляло о себе в отдельных статьях и высказываниях, но никогда не занимало сколько-нибудь серьезного места в литературе о «Слове».

Скептицизм этот был порожден так называемой «скептической школой» русской историографии. Скептицизм в отношении «Слова» был лишь частным случаем общего скептицизма, который проявлялся в отношении всех основных памятников древней русской письменности. Поэтому, чтобы понять сомнения скептиков в отношении «Слова», необходимо остановиться на их сомнениях вообще.

Возникновение скептической школы в русской исторической науке падает на второе десятилетие XIX в. Главным представителем этой скептической школы был известный М. Т. Каченовский. Появление этой школы не было случайностью, — она, с одной стороны, явилась развитием того критического отношения к историческим источникам, которое было решительно заявлено еще в работах Августа Шлецера, а с другой — имела прочные корни в появившемся незадолго до того скептицизме западной исторической науки.²⁹ Скептическая школа довела до крайности метод Шлецера, провозгласив сомнение главной основой исторического исследования. «Для науки нет ничего приличнее, как скептицизм», — писал М. Т. Каченовский.³⁰ По существу это провозгла-

²⁸ Подробнее см. ниже, в статье Ю. М. Лотмана, стр. 331 и сл.

²⁹ Я не касаюсь здесь западных источников русской скептической школы: это дело особого историографического исследования.

³⁰ М. Т. Каченовский. О «Римской истории» Нибура. — ВЕ, 1830, № 17—20, стр. 75.

шение сомнения главной основой исторического исследования было проявлением бессилия еще не оперившейся молодой русской науки перед обилием иногда казавшихся противоречивыми источников, во множестве открывавшихся деятельными археографами первой половины XIX в.

Как и для А. Шлецера, для М. Т. Каченовского главным основанием в его сомнениях служили общие, априорные (в основе своей обывательские) представления о низком уровне русской культуры XI—XIII вв. Эти представления его казались ему настолько непреложными, что он предпочитал не верить непосредственным материальным остаткам прошлого XI—XIII вв., если они противоречили этим представлениям, чем поверить этим остаткам прошлого.

Скептицизм основывался на обывательских представлениях о прямолинейности прогресса, в силу которых чем отдаленнее была эпоха от нашего времени, тем она казалась более темной и невежественной. Эти основания скептицизма расшатывались впоследствии по мере того, как уточнялись наши представления о культуре Киевской Руси, о ее архитектуре, живописи, ремесле, иностранных связях, социальном строе и т. д. Особенное значение имели открытия памятников древнерусской литературы XI—XII вв., высокий художественный и идейный уровень которых был несомненен: «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, проповедей Климента Смолятича и Кирилла Туровского, «Моления» Даниила Заточника и др. Однако пока представления о культуре древней Руси были еще в младенческом состоянии и представления о ее низком уровне были прочно обоснованы невежеством, скептики сомневались в подлинности всего, что выходило за рамки этих их представлений.

М. Т. Каченовский наивно считал свои представления о культуре того или иного времени более достоверными, чем исторические источники, и призывал верить не рукописям, а «истории учености», если последняя противоречила первым. М. Т. Каченовский писал: «... всякия открытия в рукописях старины, слишком иногда простодушной, зато уже иногда и чрезвычайно затейливой, надобно испытывать в горниле высшей критики, т. е. соотносить с историческим ходом происшествий, с духом времени, с обстоятельствами».³¹

Еще А. Шлецер отвергал существование просвещения, торговли, городов в домонгольской Руси, но скептики пошли еще дальше. Они дошли до того, что утверждали, например, что и самый Новгород не существовал в XI в. По их мнению, он появляется «не

³¹ М. Т. Каченовский. Исторические справки об Иоанне Экзархе Болгарском. — ВЕ, 1826, № 15, стр. 199.

ранее XII в.» и есть колония балтийских славян, пришедших из Вагрии. Отвергали они и существование русских племен (древлян, полян и др.).

Уже в 1809 г. в своей первой статье «Об источниках русской истории»³² М. Т. Каченовский вслед за А. Шлецером подвергает сомнению договоры Олега и Игоря с греками. В статье «Параллельные места в русских летописях»³³ он стремится доказать баснословность многих известий русских летописей. «Сия историческая критика, — пишет М. Т. Каченовский, — в первых двух столетиях летописи наших найдет много таких событий, которые кажется умышленно выписаны из книг чужестранных и вставлены для наполнения пустого промежутка. Усердным почитателям преподобного Нестора утешительно мыслить и быть уверенными, что многие прибавления включены уже гораздо после, именно в то время, когда перешли к нам разные басни исландских, богемских, польских сочинителей, т. е. в шестнадцатом веке».³⁴

М. Т. Каченовский одним из первых стал применять «сравнительный» анализ, отыскивая различные иностранные сюжетные параллели к древнейшим сказаниям летописи и не сомневаясь при этом, что во всех случаях внешнее сходство русской летописи с каким-либо иностранным источником могло служить бесспорным доказательством «плагиата» летописца. Его сомнения казались ему несомненными, его скептицизм сам по себе был лишен какого бы то ни было скепсиса, был догматичен и нетерпим.

М. Т. Каченовский и представители его школы призывали к «критике фактов». Они утверждали, что исторические факты должны быть подвергнуты сомнению и критике в сопоставлении друг с другом и с «общими законами исторического развития».

Основной силлогизм скептиков заключался в следующем: «Если в летописи и „Русской правде“ находят подтверждение мнения о могущественном государстве Олегов и Владимиров, если „Слово о полку Игореве“ точно эпопея, в смысле классическом, если договор Олега есть доказательство того, что руссы были не варвары, если Новгород точно вел значительную торговлю, — если все это есть в источниках, то не следует ли усомниться в самих источниках».³⁵ Впоследствии другой представитель скептической школы Н. И. Надеждин писал: «Всякий факт сам в себе имеет внутренние условия достоверности. . . Эти внутренние условия составляют историческую возможность факта. . . Никакой древний

³² ВЕ, 1809, XLIII, № 18.

³³ Там же.

³⁴ Там же, стр. 134—135.

³⁵ К. Н. Б е с т у ж е в - Р ю м и н. Современное состояние русской истории как науки. — Московское обозрение, 1859, кн. 1, стр. 54.

исторический манускрипт, никакой известный авторитет, выдержавший всю пытку обыкновенной критики, не убедит меня в подлинности факта, если он представляет решительное противоречие с этими законами». ³⁶

Естественно, что при плохой осведомленности в «исторических законах» «манускрипты» начали заподозриваться целыми пачками. И чем важнее и содержательнее был этот манускрипт, тем скорее отрицалась его подлинность.

Каченовский отвергает подлинность всех памятников, противоречащих его положению о низком уровне культуры XI—XII вв.: «Древнейшей летописи», которую он считает составленной в XIV в., «Русской правды», договоров Олега и Игоря с греками, «Поучения» Владимира Мономаха, сочинений Кирилла Туровского и, конечно, «Слова о полку Игореве». Он не щадил даже фактов, подтвержденных многими свидетельствами, и сомневался в том, что по существу являлось очевидностью.

Само собой разумеется, что при такого рода подходе к «манускриптам» и фактам сомнения Каченовского носили поверхностный характер. Они не были подтверждены строгой аргументацией и не основывались на строгом методе научного исследования. Иногда аргументацию заменяли риторические речи о недопустимости патристического отношения к фактам науки для историка и общие рассуждения о невозможности того или иного факта в условиях якобы низкого уровня просвещения XI—XII вв. М. Т. Каченовский скользил по верхам исторических фактов, случайно подхваченных, случайно интерпретированных. Сколько-нибудь глубоких познаний в области русской истории у него и не было. Он был широко образованным человеком, но непостоянным и неуслышимым, знакомым с историческими документами из вторых рук, много спешивший и мало медливший в размышлениях над фактами.

Он знал французский, немецкий, английский и итальянский языки, а к старости изучил и шведский. Он преподавал в Академической гимназии риторику и русский язык, а с 1808 г. в Московском университете — изящные искусства, археологию, а затем историю, статистику и географию России. В 1832 и 1833 гг. он преподавал всеобщую историю, а с 1835 г. и до смерти (в 1842 г.) занимал Кафедру истории и литературы славянских наречий. При всем том он был загружен административной и журнальной работой, в начале своей деятельности помещая в журналах стихи, повести и переводы, статьи общего характера, редактируя «Вестник Европы» и т. д.

³⁶ Н. И. Надеждин. Об исторической истине.—ВЧ, 1837, т. XX, стр. 153.

Очень важно отметить, что представители скептической школы были людьми консервативных, официальных воззрений. Своими реакционными взглядами был известен не только «парнасский старовер» М. Т. Каченовский, но и друг Ф. Булгарина — О. И. Сенковский, а также М. Н. Катков. И. И. Давыдов известен тем, что с ним, как с директором Главного педагогического института, боролся Н. А. Добролюбов.

Это не случайность. Скептицизм консерваторов отзывался неверием в творческие народные силы, в национальные традиции, в культуру нации. Только воля монарха казалась единственным проводником просвещения и водворителем благополучия страны. Великое прошлое народа всегда оскорбляло самоуверенность деспотов.

Влияние М. Т. Каченовского и скептической школы было весьма большим. Митрополит Евгений Болховитинов до конца жизни считал «Слово» памятником поздним, относя его к тому времени, к которому скептики считали возможным относить появление на Руси летописей, договоров с греками, «Русской правды» и т. д., т. е. к XVI в. Евгений считал «Слово» произведением высокопарным и сравнивал его с арабскими и татарскими песнями.

Граф Н. П. Румянцев, который, как писал К. Ф. Калайдович, «имеет сильные предрассудки в опасении в подделке древних рукописей»,³⁷ считал «Слово» подделкой XVIII в. Насколько неосновательными были сомнения Н. П. Румянцева, показывает хотя бы тот факт, что он сомневался в принадлежности XII веку слов «солтани», «венедици», «который»,³⁸ «жемчуг», а образ Пирогощей смешал с образом Владимирской божьей матери, перенесенным из Киева в 1160 г. во Владимир, и видел анахронизм в том, что Игорь по возвращении из плена едет к Пирогощей.

Первое сомнение в подлинности «Слова» было высказано М. Т. Каченовским еще в 1812 г. в статье «Взгляд на успехи русского витийства в первой половине истекшего столетия»,³⁹ где он высказывает критическое отношение к древнему русскому красноречию и просвещению в целом.

---

³⁷ Записки важные и мелочные К. Ф. Калайдовича. — В кн.: Н. С. Тихонов. Летопись русской литературы и древности, III, отд. II. М., 1860, стр. 82.

³⁸ В «Записках важных и мелочных К. Ф. Калайдовича» сказано: «Румянцов не верит Песни Игоревой, почитая ее подложною, основываясь на том, что в ней встречается имя Солтаново, появившееся незадолго перед XII веком, название народа Венедици и местоимение „который“, неприличное будто бы тому времени» (Н. С. Тихонов. Летопись русской литературы и древности, стр. 82).

³⁹ Труды ОЛРС, ч. I, М., 1812, стр. 22: «... ежели песнь сия в самом деле суть остаток отдаленной древности».

Воззрения М. Т. Каченовского на «Слово о полку Игореве» отразились в статье его последователя И. Беликова «Некоторые исследования „Слова о полку Игореве“». ⁴⁰

Забывая общий характер древнерусской словесности, в основном безымянной, И. Беликов, вслед за М. Т. Каченовским, сомневался в подлинности «Слова», так как «певец» его неизвестен и нет ссылок на «Слово» в других памятниках. Решающее значение в вопросе о подлинности «Слова» И. Беликов придавал тому, что неизвестны его другие варианты (другие тексты), нет в «Слове» подробного и ясного описания древних обычаев, жизни своего времени, нет строго проведенной логики повествования и т. д., т. е. нет всего того, отсутствие чего вообще характерно для большинства древнерусских сочинений. Отмечал И. Беликов и некоторые анахронизмы и несообразности: сравнение половцев с «леопардами» (здесь И. Беликов произвольный перевод слова «пардус» выдает за подлинный текст «Слова»); ссылка на «старый язык» («старыми словесы»), поскольку в представлениях И. Беликова даже в X в. не было никакого особого языка, кроме «подражания греческому», и т. п.

Противопоставляя «Слову» свои собственные фантазии о том, каким должно было бы быть произведение XII в., каким должен бы быть его язык, идеи, отражение исторической действительности, каким должна была бы быть письменная традиция, в которой мог дойти памятник и т. д., И. Беликов, в сущности, в своей статье ничего, кроме собственного невежества, не продемонстрировал. Совершенно бездоказательно отнеся «Слово» к XVI в., И. Беликов считал, однако, возможным, что в основе «Слова» лежит какая-то «сказка» или «песнь», но «что писатель „Слова о полку Игореве“ и не был его слагателем, а только переводчиком. В XII столетии, как известно, — заявлял И. Беликов, — приходили к нашим князьям норманы, греки; не удивительно, что из сих пришельцев кто-либо, обрусев, записал или воспел на своем языке поход Игоря; и эта записка дошла до граматеев XVI века, которые переложили ее старинным русским языком, подражая древнейшим нашим писаниям; но не понимая хорошо подлинника, переводили более буквально, пособляя своему неумению словами из разных языков, которые в это время имели большое влияние на нашу словесность». ⁴¹

О. И. Сенковским сомнения в подлинности «Слова» были высказаны в рецензии на книгу «Умозрительные и опытные основания словесности, сочинение А. Глаголева, СПб., 1834». ⁴² О. И. Сенковский заявлял, что «над Словом о полку Игореве носится в нашем

⁴⁰ Ученые записки МУ, 1834, ч. V, №№ II и III.

⁴¹ Там же, сентябрь, № III, стр. 448.

⁴² БЧ, 1834, т. IV, отд. V «Критика».

уме сильное подозрение в мистификации: оно крепко пахнет Оссианом». Он находит в языке его полонизмы (например, в слове «вещий» в смысле «поэтический»), галлицизмы (в части употребления местоимения «свой», в выражении «кричат телеги полунощи» и др.) и выражения «неизвестные средним векам» — к таким относятся *быстрая Каяла, серебряные седины, Сула, текущая серебряными струями; жемчужная душа в храбром теле, кровавые его раны в жестоком теле, кровавые зори, налагание вещей перстов на живые струны, прилетание мыслию издалеча, золотые слова, смешанные со слезами «и целые дюжины этого рода понятий, совершенно неизвестные средним векам».*⁴³ Одним из аргументов в пользу подлога О. И. Сенковский считает и «отсутствие всяких других списков».

Позднее О. И. Сенковский неоднократно выступал против подлинности «Слова», повторяя в основном все одни и те же аргументы и не принимая во внимание возражений.

Не признавал «Слово» подлинным произведением XII в. и И. И. Давыдов. Он основывался на том, что «Слово» ни в каком древнем сочетании не упоминается (точно в древней русской литературе вообще много памятников, упоминаемых в других сочинениях), что язык «Слова» «смесь древнего и среднего языка из разных наречий».⁴⁴

Скептическое отношение к «Слову» сказалось также у П. Строева⁴⁵ и К. Аксакова,⁴⁶ но не было ими в достаточной степени развернуто.

Скептицизм первых скептиков не подкреплялся серьезной аргументацией. Он основывался на представлениях о том, что всякий скептицизм полезен как двигатель науки, и первые скептики не затрудняли себя поэтому обоснованиями своего скептицизма.

Впрочем, как мы увидим в дальнейшем, скептицизм их идейных потомков — скептиков поздних — не далеко ушел от их идейных прародителей, частично повторяя их аргументацию и их ошибки.

*

Скептицизм первой половины XIX в. в отношении «Слова» пришел к своему концу по двум причинам. Во-первых, изжила

⁴³ Там же, стр. 5—6.

⁴⁴ И. Д а в ы д о в. Составные начала и направления древней отечественной словесности. — Ученые записки МУ, 1834, ч. III, № VIII.

⁴⁵ См.: П. С т р о е в. Хронологический указатель материалов отечественной истории, литературы, правоведения до начала XVIII века. — ЖМНП, 1834, № 7, стр. 155.

⁴⁶ См.: К. С. А к с а к о в. Ломоносов в истории русской литературы и языка. М., 1846 (переиздание: Полное собрание сочинений К. С. Аксакова, т. II, М., 1875, стр. 142—147). По предположению К. С. Аксакова, автор «Слова» иностранец.

себя и перестала существовать самая «скептическая школа» русской историографии, с которой был этот скептицизм связан. Во-вторых, скептицизм в отношении «Слова» исчезал по мере того, как открывались новые факты, подтверждавшие исторические и поэтические данные «Слова», объяснялись отдельные «темные места», подыскивались параллели в других памятниках, прояснялся язык «Слова», объяснялась его идейная сторона и создавались правильные представления о культуре Киевской Руси.

«Слово о полку Игореве» было найдено и опубликовано еще до открытия «Слова о законе и благодати» Илариона, произведений Климента Смолятича и Кирилла Туровского, «Моления Даниила Заточника», а главное — «Задонщины».

«Сказание о Мамаевом побоище», распространенное в очень большом количестве списков, было известно историкам и в конце XVIII и в начале XIX в. Скептическое отношение к подлинности «Слова о полку Игореве» заставило исследователей обратить внимание на многие следы близости «Сказания» к «Слову» как на доказательство того, что «Слово» было известно уже ко времени составления «Сказания».

Еще в 1818 г. К. Ф. Калайдович писал об авторе «Сказания»: «Скоро появится новый певец победы Дмитрия Донского над Мамаем, который силою выражений, красотой слога и близким сходством с песнию Игоревею открывает в себе совершенного подражателя оной».⁴⁷ Через два года К. Ф. Калайдович повторил снова то, что он писал, но еще более определенно: «Некоторые места сей героической песни имеют сходство с „Словом о полку Игоря“, из коего, по-видимому, оные заимствованы. . .».⁴⁸

К. Ф. Калайдович был прав, отмечая влияние «Слова» на «Сказание», но влияние это было не непосредственное. Это стало ясным позднее — после открытия в 1852 г. «Задонщины» — посредством звена между «Словом» и «Сказанием». Выяснилось, что все места, которые были близки «Слову», оказались еще ближе «Задонщине». «Задонщина» же оказалась произведением, в основе своей зависящим от «Слова». Находка «Задонщины» поставила в крайне затруднительное положение скептиков. Автор «Задонщины» явно подражал «Слову». Первое время казалось даже, что это подражание было слепым, чисто формальным. Только впослед-

⁴⁷ Опыт решения вопроса, предложенного в Обществе любителей российской словесности, основанном при императорском Московском университете, о том, на каком языке писана Песнь о полку Игоря. . . — Труды ОЛРС, 1818, ч. XI, стр. 18. (К. Ф. Калайдович ошибочно считал, что Тимковский нашел «Сказание». Между тем оно было известно уже Стриттеру и Карамзину).

⁴⁸ О трудах проф. Тимковского по русской истории. — ВЕ, 1820, ч. CX, стр. 131—132.

ствии стало ясно, что «Задонщина» представляла собой своеобразный «ответ» на «Слово», повествуя о реванше, который взяли русские на Куликовом поле за свое поражение на Каяле.

Как бы то ни было, подражательный характер «Задонщины» не вызывал сомнений, а вместе с тем отпали и всякие сомнения в том, что «Слово» написано ранее «Задонщины».

Для того чтобы возродить скептицизм, надо было усомниться в том, что «Слово» повлияло на «Задонщину», и попытаться поставить вопрос с ног на голову: объявить «Слово» произведением подражательным и слабым, а «Задонщину» — оригинальным и сильным, усомниться в открытии «Задонщины» именно в 1852 г. и попытаться уверить себя и специалистов, что «Задонщина» была открыта в конце XVIII в. — до того, как стало известно «Слово». Эту трудную задачу наметил впоследствии Л. Леже и пытался, как мы об этом скажем в дальнейшем, осуществить А. Мазон, обходя препятствия, умалчивая о возражениях и создав образ гениального фальсификатора, предвидевшего многое в наших знаниях о домонгольской Руси, создавшего множество темных и псевдотемных мест, использовавшего огромное количество источников и опередившего свою эпоху в знании тюркских языков, истории русского языка, русского фольклора, русской археологии и т. д.

Одно из самых решительных подтверждений подлинности «Слова» было найдено в приписке псковского Апостола 1307 г. Приписку эту открыл К. Ф. Калайдович;⁴⁹ она оказалась очень близкой к одному из самых своеобразных мест «Слова о полку Игореве». Описывая междоусобную войну 1307 г. князей Михаила Тверского и Юрия Даниловича, автор этой приписки писец Домид (а не игумен Зосима, как думает А. Мазон)⁵⁰ пишет: «При сихъ князѣхъ. . . сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша въ князѣхъ, которы и вѣци скоротишася человѣкомъ». Место это очень близко повторяет «Слово»: «Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшетъ усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишася». Писец Домид несомненно использовал «Слово», заменив только упоминание Олега Гориславича «сими князьями» и опустив упоминание языческого бога «Даждьбога», правильно поняв в целом выражение «жизнь Даждьбожа внука» как «жизнь русского народа» — «жизнь наша».

Близость обоих текстов (приписки к Апостолу и соответствующего места «Слова») несомненна. Предположить, что автор «Слова» воспользовался этой припиской, невозможно: эта приписка —

⁴⁹ См.: К. Ф. К а л а й д о в и ч. Библиографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа А. И. Мусина-Пушкина.

⁵⁰ См.: А. М а з о н. Le Slovo d'Igor, 1940, стр. 433.

не литературное произведение, размножающееся во многих списках; она единственна, и открыта она была только К. Ф. Калайдовичем, опубликовавшим ее в 1824 г.

Зависимость приписки к Апостолу от «Слова» несомненна. Здесь дело даже не в том, что приписка принадлежит памятнику, открытому после открытия и опубликования «Слова», а в том, что в приписке этой есть явно более поздние черты. В «Слове» в соответствующем месте все ясно, в приписке же неясно место: «к о т о р ы и вѣци скороташася человѣкомъ». Каким образом «сокращались» «которые» и почему они поставлены в один ряд с «веками» людей? Если слово «которые» соединить с предшествующим текстом («гыняше жизнь наша в князѣх которые»), то и тогда текст не станет яснее. Очевидно, что текст «Слова» более первоначален. Это видно и из того, что в приписке к Апостолу 1307 г. в соответствии с церковным характером всей книги исключено имя языческого бога «Даждьбога».

Автор приписки не только подражал «Слову», — свое заимствование он умело применил к современным ему событиям, проведя аналогию между ними и событиями, изображенными в «Слове»: раздоры Михаила Тверского и Юрия Даниловича за новгородское княжение напомнили ему о «Слове», его идеях и призывах.

Естественнее предполагать, что маленькая приписка следовала за большим произведением, чем большое произведение с его сложными, героическими идеями за небольшой припиской в церковной книге.

С каких бы сторон мы ни подошли к изучению этой приписки — она ясно доказывает, что была составлена на основе «Слова», что «Слово» создано раньше ее.

Позднейший скептик А. Мазон, чтобы ослабить доказательную силу этой приписки, заявил, что она состоит из обычных «клише, лишенных оригинальности»,⁵¹ но ни одного другого случая такого же «клише» привести не смог. Спрашивается, откуда же мог заимствовать это «клише» предполагаемый фальсификатор «Слова» в конце XVIII в., если в XX в. не смог указать на его существование сам А. Мазон, вооруженный словарями, справочниками и многочисленными изданиями памятников древнерусской письменности? Не смог ответить А. Мазон и на другой вопрос, заданный ему Р. Якобсоном:⁵² почему эти «клише» следуют друг за другом в одинаковом порядке и в «Слове» и в «Задонщине»? Ведь если бы зависимости одного текста от другого не было, то не могло быть и одинакового сочетания этих «клише», самое существование которых к тому же не может быть ничем подтверждено.

⁵¹ См.: А. М а з о н. Le Slovo d'Igor, 1940, стр. 133.

⁵² См.: R. J a k o b s o n. L'authenticité du Slovo.—В кн.: La Geste du prince Igor', стр. 344.

Открытие и издание в 1892 г. «Слова о погибели Русской земли» принесли новые свидетельства в пользу подлинности «Слова о полку Игореве». В «Слове о погибели» оказались такие параллели к «Слову о полку Игореве», которых не было перед тем в других памятниках древнерусской литературы и которые поэтому исключили из «Слова о полку Игореве» «единичность» целого ряда его мест. Все меньше и меньше оказывается в «Слове о полку Игореве» «темных пятен» и «белых мест»: мест, казавшихся непонятными или единичными, не подтвержденными параллелями из других памятников. «Слово о погибели Русской земли» подтвердило «Слово о полку Игореве» и в жанровом отношении: «Слово о погибели», как и «Слово о полку Игореве», было поэтическим светским произведением, оно соединяло в себе, как и «Слово о полку Игореве», элементы прославления и плача. Его главным героем была «Русская земля». Поводом к его написанию было также поражение. Близкую параллель в «Слове о погибели» находили себе и отдельные выражения «Слова о полку Игореве»: «от великого Ярослава и до Володимера и до ныняшнего Ярослава» (ср. в «Слове о полку Игореве»: «отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря»).

Связь «Слова о погибели» со «Словом о полку Игореве» была указана многими исследователями: М. С. Грушевским,⁵³ Р. О. Якобсоном,⁵⁴ А. В. Соловьевым,⁵⁵ и др. Близкую параллель к сну Святослава в «Слове о полку Игореве» обнаружил в Переяславской летописи в сне князя Мала А. И. Кирпичников⁵⁶ и подробно исследовал Д. В. Айналов.⁵⁷

Открытая В. И. Малышевым в 1948 г. «Повесть о Сухане» XVII в. принесла еще одну близкую параллель к «Слову». Раньше выражение «Слова» «Днепр Словутич» не имело прямых аналогий в древнерусской литературе и это служило даже поводом для очередных сомнений. В «Повести о Сухане» эта аналогия нашлась: «И не доезжаючи быстра Непра Слаутича», «Поеду, поеду посмотрю быстра Непра Слаутича. И приезжает Сухан ко быстру Непру Слаутичю», «Да едет Сухан ко быстру Непру Слаутичю на берег».⁵⁸

⁵³ См.: М. С. Грушевський. 1) Історія України—Руси, т. II. Изд. 2-е, Львов, 1905, стр. 611; т. III, Львов, 1905, стр. 493—495, 566—567; 2) Історія української літератури, т. II. Київ—Львів, 1923, стр. 166—226.

⁵⁴ См.: R. J a k o b s o n. L'authenticité du Slovo, стр. 344—345.

⁵⁵ См.: А. В. Соловьев. 1) Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — ИЗ, № 25, М., 1948, стр. 93—99. 2) New traces of the Igor Tale in Old Russian literature. — Harvard slavic studies, vol. I, Cambridge Mass., 1953.

⁵⁶ См.: А. И. Кирпичников. К литературной истории русских летописных сказаний. — ИОРЯС, 1897, т. II, кн. 1.

⁵⁷ См.: Д. В. Айналов. Сон Святослава в Слове о полку Игореве. — Известия Гос. Академии истории материальной культуры, т. V. Л., 1927.

⁵⁸ См.: В. И. Малышев. Повесть о Сухане. М.—Л., 1956, стр. 112—113.

Исчерпать всех параллелей к «Слову», открытых в памятниках древнерусской литературы (оригинальной и переводной), в краткой статье невозможно.⁵⁹ Скептикам новейшей формации пришлось бы составить длинный список памятников, помимо «Задонщины», с которыми автор «Слова», будь он человеком XVIII в., должен был быть знакомым, чтобы создать свое произведение.

*

Не сразу были определены связи «Слова» с русской и украинской народной поэзией. Первые переводчики и исследователи «Слова» находили в нем сходство с поэзией Оссиана, но не с русской народной поэзией, причем оссианизм «Слова» был очень неконкретен, немногочисленные аналогии приводились самые общие.

Впервые на отечественную народно-поэтическую основу «Слова», для нас сейчас несомненную, обратил внимание только М. А. Максимович. Работы М. А. Максимовича раскрыли тесную связь «Слова» с русской и украинской поэзией. До М. А. Максимовича связь эта не замечалась; она и не могла замечаться, поскольку ко времени открытия «Слова» народная поэзия была известна плохо и отношение к ней в целом было в лучшем случае снисходительным.⁶⁰

Оценивая вклад М. А. Максимовича в изучение «Слова», А. С. Орлов писал, что характеристика Максимовичем народно-поэтических начал «Слова», «несмотря на устарелость выражений, неясность терминологии и упрощенность некоторых понятий, до сих пор привлекает своей чуткостью и глубиной основной мысли».⁶¹

М. А. Максимович рассмотрел изобразительные средства, поэтическую символику «Слова» и первым дал обзор народно-поэти-

⁵⁹ Более или менее полный свод параллелей к «Слову», обнаруженных до 1926 г., дан в известном исследовании В. Н. Перетца «Слово о полку Игореве. Пам'ятка феодальної України—Руси XII в.» (У Києві, 1926).

⁶⁰ Отмечу, что один из предполагаемых первых комментаторов «Слова о полку Игореве» И. Болтин называл былины «подлыми песнями» «без всякого складу и ладу», они отражают не вкус народа, «а черни, людей безграмотных и, может быть, бродяг, кои ремеслом сим кормилися» (Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным, т. II, СПб., 1788, стр. 60). Только от А. Н. Радищева «ведет начало новое понимание фольклора; он не только преодолевает ограниченность просветительных позиций с их опасливым и порой пренебрежительным отношением к народному творчеству, но провозглашает высокое этическое и эстетическое совершенство народной поэзии (М. К. Аздовский. История русской фольклористики. М., 1958, стр. 101). Но это «новое понимание фольклора» определилось уже тогда, когда «Слово» стало известным.

⁶¹ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». Л., 1938, стр. 42.

ческих средств «Слова» в сопоставлении с памятниками русской и украинской устной народной поэзии.⁶² С тех пор эта сторона художественной природы «Слова» не вызывает уже сомнений.

Если так долго национальная народно-поэтическая основа «Слова» не вызывала к себе внимания, то какие у нас основания думать, что она должна была привлечь к себе творческие усилия предполагаемого фальсификатора «Слова» конца XVIII в., якобы вынужденного вылавливать для своего фальсификата из различных источников отдельные народно-поэтические черты. Выходит, что предполагаемый фальсификатор на целых полстолетия опередил возможности понять свой тонкий замысел, опередил свою эпоху в понимании важности национальной народно-поэтической темы, пошел против художественных вкусов той среды, для которой назначалась его подделка,⁶³ наконец, ввел в «Слово» такие элементы народной поэзии, которые только впоследствии были найдены в сборнике Кирши Данилова, в собраниях П. В. Киреевского, П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга и мн. др. Во всех этих собраниях были указаны близкие и неблизкие параллели, встречающиеся только в них или общие для всей народной поэзии, но не замечавшиеся в конце XVIII в.

Изучение связей «Слова» с народной поэзией было особенно плодотворным во второй половине XIX в. и в советское время. Особенно много сделали для изучения фольклорной основы «Слова» Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, Ю. М. Соколов, Н. П. Андреев, А. И. Никифоров, В. П. Адрианова-Перетц.⁶⁴

⁶² См.: М. М а к с и м о в и ч. 1) Украинские народные песни, кн. II. М., 1834; 2) Песнь о полку Игореве (из лекций о русской словесности, читанной в 1835 г. в Киевском университете). — ЖМНП, 1836, № 4; 1837, № 1.

⁶³ О том, что Екатерина II и ее окружение невысоко ценили поэзию «подлого» народа, см. ниже, в статье Ю. М. Лотмана, стр. 361.

⁶⁴ См.: Ф. И. Б у с л а е в. 1) О преподавании отечественного языка. М., 1844, 1 (переиздание: М., 1867); 2) Об эпических выражениях украинской поэзии. По поводу выхода сборника украинских песен Максимовича. — Москвитянин, 1850, № 18, ч. 5, отд. III; 3) Эпическая поэзия. Исторические очерки, т. I. СПб., 1861, и др.; А. А. П о т е б н я. 1) Малорусская народная песня по списку XVI в. Текст и примечания. — Филологические записки, 1877, вып. 2; 2) «Слово о полку Игореве». Текст и примечания. — Филологические записки, 1877, V—VI; 1878, I, II, IV (переиздание: Харьков, 1914); Ю. М. С о к о л о в. «Слово о полку Игореве» и народное творчество. — Литературный критик, 1938, № 5; Н. П. А н д р е е в. «Слово о полку Игореве» и народное творчество. — Народное творчество, 1938, № 5; А. И. Н и к и ф о р о в. 1) Проблема ритмики «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. М. Н. Покровского, т. IV. Л., 1940; 2) Тезисы докторской диссертации А. И. Никифорова «„Слово о полку Игореве“ — былина XII века». Л., 1941; В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. 1) «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Серия «Литературные памятники», Изд.

Из зарубежных исследований фольклорной основы «Слова» интерес представляют исследования Р. Якобсона, М. Шефтеля и Дж. Ружичича южнославянских песен о змеевиче Вуке, былины о Волхе Всеславьевиче, летописного предания о Всеславе Полоцком и известного рассказа о Всеславе Полоцком в «Слове о полку Игореве». ⁶⁵ Исследования эти ясно показали, что в основе перечисленных памятников лежат отражения единого общего сюжета, основанного на общем мифологическом наследии. Поправки, внесенные к этим исследованиям В. М. Жирмунским, ⁶⁶ не снижают общей убедительности вполне самостоятельного (без летописного влияния) отражения в «Слове» глубоких фольклорных основ.

*

Серьезное подтверждение подлинности «Слова» было получено в результате изучения языка и орфографии его текста.

Открытие «Слова» было сделано в такую эпоху, когда значение его текста как памятника русского языка XII—XVI вв. не могло быть еще оценено по достоинству. Русская наука конца XVIII в., как мы уже видели выше, была не подготовлена для чтения и понимания «Слова». Напротив, само «Слово» возбуждало чрезвычайное внимание к русскому языку древнейшей поры. Изучение языка «Слова» в значительной степени побуждало к занятиям историей русского языка вообще. В результате не только углублялись представления об истории русского языка, но и расшифровывались отдельные пассажи «Слова», казавшиеся неясными с точки зрения языка. Понимание «Слова» в сопоставлении с другими памятниками постепенно углублялось. То, что казалось еще недавно непонятным, начинало находить свои объяснения в других памятниках, в других исторических источниках. И это одно уже должно было бы остановить скептиков. . .

Особый интерес имеет та роль, которая была сыграна «Словом о полку Игореве» в рассеивании неправильных представлений Шишкова и шишковистов о русском языке древнейшей эпохи. Как бы ни были смутны в первые десятилетия открытия «Слова»

АН СССР, М.—Л., 1950; 2) «Слово о полку Игореве» и русская народная поэзия. — ИОЛЯ, т. IX, № 6, 1950.

⁶⁵ См.: R. Jakobson and M. Szeftel. The Vseslav Epos. — «Russian Epic Studies», edit. by R. Jakobson and E. I. Simmons. American Folklore Society, Philadelphia, 1949; R. Jakobson and G. Ružičić. The Serbian Zmaj Ognjeni Vuk and the Russian Vseslav Epos. — Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientale et Slave, t. X. Bruxelles, 1950.

⁶⁶ См.: В. М. Жирмунский. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. IV международный съезд славистов, Доклады, М., 1958, стр. 73—75.

представления русского общества о древнерусском языке, первые исследователи ясно ощутили в «Слове» язык русский по преимуществу, в отличие от языка древней церковной письменности, и правильно сопоставили его с языком «Русской Правды».

Первым из русских ученых заявил о том, что «Слово» написано на русском языке, отличном от языка церковных книг, Н. Грамматин.⁶⁷

Затем А. Х. Востоков в своих примечаниях к переводу примечаний И. Добровского на рассуждения А. Шлецера о старославянском языке (1810 г.)⁶⁸ указал на различие «древнейшего» русского языка и славянского и в доказательство сослался на язык «Русской правды» и «Слова о полку Игореве», в отличие от церковнославянского. Впоследствии это положение А. Х. Востокова было развито им в его знаменитом «Рассуждении о славянском языке, служащем введением к Грамматике сего языка, составленной по древнейшим оного письменным памятникам».⁶⁹

Язык «Русской правды» и «Слова о полку Игореве» противопоставляет языку молитв и песен церковных и молодой М. Т. Каченовский в статье «Взгляд на успехи российского витийства в первой половине истекшего столетия».⁷⁰ То же противопоставление языка «Русской правды» и «Слова о полку Игореве» языку церковных книг XIII—XIV вв. предлагается и в «Рассуждении о российском языке» дерптского профессора русского языка Г. А. Глинка.⁷¹ Это же противопоставление было усвоено Н. М. Карамзиным. В томе I своей «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин различает, с одной стороны, язык славянской Библии и, с другой, — язык «Русской правды» и «Слова о полку Игореве».⁷²

Насколько вопрос о языке «Слова о полку Игореве» был актуален, показывает и тот факт, что по предложению К. Ф. Калайдовича Общество любителей российской словесности при Московском университете объявило в 1812 г. на решение желающих тему: «На каком языке писана Песнь о полку Игоря, на древнем ли славенском, существовавшем в России до перевода книг священного писания, или на каком-нибудь областном наречии?»⁷³

⁶⁷ См.: Н. Г р а м м а т и н. Рассуждение о древней русской словесности. М., 1809, стр. 9.

⁶⁸ См.: И. С р е з н е в с к и й. Филологические наблюдения А. Х. Востокова. СПб., 1865, стр. XVIII.

⁶⁹ Труды ОЛРС, 1820, ч. XVII, стр. 5—6; в извлечениях: ВЕ, 1820, ч. 109, № 3, стр. 169—187.

⁷⁰ См.: Труды ОЛРС, 1812, ч. I, стр. 17—52.

⁷¹ См.: ВЕ, 1813, ч. 70, стр. 175.

⁷² См.: Н. М. К а р а м з и н. История государства Российского, т. I. Изд. 1-е, 1816, стр. 251.

⁷³ Труды ОЛРС, т. IV, 1812, стр. 159, 177—181. Этот же вопрос был оставлен также в «Вестнике Европы» (1812, ч. 63, № 10, стр. 136).

В 1818 г. появился «Опыт решения вопроса, предложенного в Обществе любителей российской словесности, основанном при Московском университете», о том: «На каком языке писана Песнь о полку Игореве». Несмотря на крупные недостатки в общих выводах этой работы, принадлежавшей двадцатипятилетнему К. Ф. Калайдовичу, в ней находилось множество частных внимательных и верных наблюдений над языком «Слова».

Приведя много примеров близости языка «Слова» по лексике и по отдельным выражениям к другим древнерусским произведениям, оригинальным и переводным, К. Ф. Калайдович писал: «Сих примеров довольно уже для подтверждения наших положений о сходстве слога Игоревой песни с языком библейским, летописями, грамотами и другими подобными остатками древней славяно-русской письменности. Примечания сии (приведенные К. Ф. Калайдовичем примеры близости языка «Слова» к языку других памятников, — Д. Л.) достаточны к подтверждению той мысли, что Песнь наша написана не каким-либо диалектом обильного языка славянского, не особенным областным наречием, но чистым языком славяно-русским, которого множество слов и речений рассеяно в древних памятниках, сохранившихся от алчности времени». ⁷⁴

Таким образом, «Слово о полку Игореве» сыграло огромную роль в развенчании шишковских представлений о единстве русского языка и церковнославянского.

Вместе с тем началась и разработка отдельных вопросов, главным образом в связи с толкованием отдельных мест «Слова». Многие из того, что казалось «темным» для первых издателей «Слова», получило свои объяснения и в дальнейшем не вызывало уже сомнений. Так, например, в 1810 г. вышла превосходная работа А. Х. Востокова «Грамматическое замечание на одно место в песни о походе Игоря», ⁷⁵ правильно объяснившая слово «шеломя», не понятое первыми издателями (истолковавшими его как село Шеломя).

С развитием изучения истории русского языка многие отдельные пассажи «Слова» разъяснились не только в своей языковой правильности, но и в своем значении. В короткой статье нет возможности привести все те объяснения, которые были принесены «Слову» успехами русской языковедческой науки. Сошлюсь только на некоторые факты, которые не затрагиваются в статьях настоящего сборника.

В «Слове» оказались следы переписки писцами северо-запада Руси — Пскова или Новгорода — в XV—XVI в. (Н. М. Карин-

⁷⁴ Опыт решения вопроса . . . о том, на каком языке писана Песнь о полку Игореве. — Труды ОЛРС, ч. XI, 1818, стр. 18.

⁷⁵ Цветник, 1810, ч. VI, стр. 311—321.

ский,⁷⁶ С. П. Обнорский⁷⁷) и приспособления его орфографии к нормам конца XVIII в. (Д. С. Лихачев⁷⁸). История фальсификаций не знает случаев такой сложной подделки языка и орфографии: учета не только авторского языка, но и языка и орфографии переписчиков. Обычно фальсификаторы изготовляют текст произведения определенного времени, но не более сложный текст произведения, измененный под влиянием переписчиков последующего времени. Мы знаем подделки начала XIX в.; ничего похожего мы в них не находим.⁷⁹

Замечательным достижением изучения языка «Слова» явились объяснения тюркизмов, предложенные в работах польского востоковеда А. Зайончковского,⁸⁰ советских востоковедов — С. Е. Малова⁸¹ и В. А. Гордлевского⁸² и американского — К. Менгеса.⁸³ Объяснились не только отдельные тюркские по своему происхождению слова (чага, кощей и др.), но стало ясно, что автор «Слова» употребляет тюркские по своему происхождению слова в их типичной для XII в. форме.

Известный польский востоковед А. Зайончковский имел все основания заявить: «... ни один тюрколог не может иметь ни малейшего сомнения относительно ориентализмов памятника... Никакая эрудиция не могла бы помочь (фальсификатору, — Д. Л.), так как тюркология только в ее современном состоянии после открытия Codex Cumanicus, работ Махмуда аль-Кашгари и других стала способна объяснить тюрко-половецкие элементы в „Слове“».⁸⁴ Работа А. Зайончковского совершенно по-новому осветила поло-

⁷⁶ См.: Н. М. Каринский. Мусин-пушкинская рукопись «Слова о полку Игореве» как памятник исконной письменности XV—XVI в. Пгр., 1917.

⁷⁷ См.: С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 134 и сл.

⁷⁸ См.: Д. С. Лихачев. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в.

⁷⁹ См.: М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX века.

⁸⁰ См.: А. Zajączkowski. 1) Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949; 2) Słowo o wyprawie Igora. — Odrodzenie, 1949, № 2.

⁸¹ См.: С. Е. Малов. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, т. V, вып. 2, 1946.

⁸² См.: В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве»). — ИОЛЯ, т. VI, вып. 4, 1947.

⁸³ См.: К. Menges. 1) The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, the Igor'Tale (Slovo o P'liku Igorevë). New-York, 1951; 2) Etymological Notes on some Păcănăg Names. — Byzantion, XVII, 1945.

⁸⁴ А. Zajączkowski. Związki językowe połowiecko-słowiańskie, стр. 50 и сл.

вещный язык, его символизацию и историю и разъяснила многое в словаре «Слова». В частности, оказалось, что лебедь — это тотем половецкого народа, откуда стало возможным объяснить образ девы обиды и выражение «крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци — лебеди распущени: Игорьъ къ Дону вои ведеть»; было установлено также, что «Буй Тур» буквально соответствует обычному тюркскому, особенно половецкому, метафорическому прозвищу или собственному имени «Телебуга» и др.

Закономерны для XII в. и грамматические формы языка «Слова о полку Игореве» и особенности его лексики.⁸⁵

Я не останавливаюсь особо на вопросе о языке «Слова», так как доказательством подлинности «Слова» по данным языка ниже посвящены статьи Н. М. Дылевского⁸⁶ и В. Л. Виноградовой.⁸⁷ Укажу только, что акад. А. С. Орлов имел полное основание заявить в последнем издании своей книги «Слово о полку Игореве»: «Язык — самое опасное, чем играют без понимания и дискредитируют памятник».⁸⁸ «Чтобы создать подобную языковую ткань искусственно, надо быть гигантом лингвистом, упредившим чуть ли не на столетие состояние науки о языке и, в частности, истории русского языка. Никакие частичные неожиданности и неправильности в языке воспроизведений „Слова“ ничего не значат перед общей картиной языка этого памятника».⁸⁹

В своем исследовании языка «Слова о полку Игореве» акад. С. П. Обнорский пишет: «Язык „Слова о полку Игореве“, язык с признаками старого строя, язык, вскрывающийся в поражающей цельности в отношении длинного ряда своих частных осо-

⁸⁵ См.: С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода; С. Вачнадзе. Словарь «Слова о полку Игореве» и его стилистическое в нем использование. — Труды Тбилисского гос. педагогического института им. А. С. Пушкина, т. IV, 1947; Д. С. Лихачев. Из наблюдений над лексикой «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, т. VIII, вып. 6, 1949; Л. А. Булаховский. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка. — Сб. «Слово о полку Игореве», исследования и статьи; Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 320—327; В. Л. Виноградова. Сравнительный анализ лексики «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1953; С. И. Катков. Из курско-орловских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Орловского гос. педагогического института, т. IX, Кафедра русского языка, вып. IV, 1954; А. Н. Котляренко. «Задонщина» как памятник русского языка XIV в. — Ученые записки ЛГПИ, т. XV, Факультет языка и литературы, вып. 4, 1956.

⁸⁶ См. ниже статью Н. М. Дылевского, стр. 169 и сл.

⁸⁷ См. ниже статью В. Л. Виноградовой, стр. 255 и сл.

⁸⁸ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». Изд. 2-е, доп., М.—Л., 1946, стр. 212.

⁸⁹ Там же, стр. 207.

бенностей, должен служить непререкаемого значения материалом, достаточным для элиминирования всяческих предположений, клонящихся к заподозрению подлинности „Слова“». ⁹⁰

*

С 60-х годов XIX в. после опубликования Екатерининского списка «Слова» (т. е. копии, сделанной специально для Екатерины II) стала развиваться палеографическая критика текста «Слова». ⁹¹

Палеографическая критика текста отчетливо показала, что отдельные ошибки и особенности Екатерининской копии и первого издания «Слова» объясняются тем, что перед составителями первой и публикаторами второго лежала рукопись XV или XVI вв., написанная полууставом без разделения на слова. Объяснения эти были настолько несомненны, что они составляют и до сих пор одно из самых важных доказательств существования подлинной рукописи «Слова».

Так, например, можно думать, что в рукописи употреблялось двойное *o*, что дало в Екатерининском списке написание «оочима». На основании постоянного смешения *ь* и *ъ* можно думать, что написания этих двух букв были сходны. Написание в Екатерининской копии «Зояни» вместо «Трояни» («на седмомъ вѣцѣ Зояни» — л. 33) позволяет предполагать, что в рукописи была типичная для конца XV—начала XVI в. лигатура «Тр», похожая на букву «З». Никак иначе эти ошибки нельзя было бы объяснить.

*

Сошлюсь только на некоторые не вызывающие сомнений объяснения, данные учеными XIX и XX вв.

Так, например, В. Г. Васильевский привел объяснение тому, что такое «готские девы» «Слова». ⁹² Д. И. Иловайский объяснил, почему о Ярославе Осмомысле сказано, что он сидит на своем золоченом столе «высоко». ⁹³

⁹⁰ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, стр. 197—198.

⁹¹ См.: И. И. Козловский. Палеографические особенности погибшей рукописи «Слова о полку Игореве». — Древности. Московское археологическое общество, т. XIII. М., 1890; П. К. Симоны. Текст «Слова о полку Игореве» по списку, хранящемуся в бумагах Екатерины II. — Древности. Московское археологическое общество, т. XIII. М., 1890. Палеографическая критика текста «Слова» давалась в работах В. Н. Перетца, Н. К. Гудзия, М. В. Щепкиной и мн. др.

⁹² См.: В. Г. Васильевский. Русско-византийские отрывки. Житие Иоанна Готского. — ЖМНП, 1878, № 1.

⁹³ См.: Д. И. Иловайский. Воспоминания о Галиче на... стр. — Древняя и новая Россия, 1878, № 2.

Д. В. Айналов объяснил, что значит выражение «полелѣя отца своего междю угорскими иноходцы»⁹⁴ и почему щиты русских воинов названы «черлеными».⁹⁵

Подтвердились и сведения о пребывании Всеслава Полоцкого в Тмуторокани. До недавнего времени мы знали об этом только из «Слова о полку Игореве». Ни один из исторических источников об этом ничего не сообщал, и ни первые, ни последующие комментаторы «Слова» никак не могли этого объяснить. Подтверждение этому факту нашел В. В. Мавродин.⁹⁶

Только в самое последнее время оказались мы способны оценить правильность многих исторических указаний автора «Слова», ранее казавшихся ошибочными. Так, например, Ив. М. Кудрявцев разъяснил казавшееся неясным и вызывавшее различные толкования загадочное сообщение «Слова о полку Игореве» о том, что Изяслав Ярославич был похоронен в Киевской Софии: «. . . съ тоя же Каялы Святоплѣкъ повелѣя отца своего междю угорьскими иноходьци ко святѣй Софии къ Киеву». Это сообщение расходилось со сведением «Повести временных лет». Оказалось, однако, что оно совершенно точно и соответствует рассказу Софийской первой летописи, согласно которой отец Святополка Изяславича — Изяелав Ярославич — был действительно похоронен в Киевской Софии, а не в Десятинной церкви, как об этом ошибочно сообщала «Повесть временных лет».⁹⁷

Автор «Слова» правильно употребляет политическую терминологию своего времени, в том числе и термин «господин» в отношении князя, который начал входить в обиход только в 70-х годах XII в.⁹⁸

Правильно употребляет автор и сложную феодальную и военную терминологию XII в., частично используя ее в художественных целях: «всесть на конь», «испить шеломом из Дону», «обида», «позизить стяг», «потоптать» войска противника, «преломить копье», «се мое, а то твое» (в «Слове» это последнее выражение иронически

⁹⁴ См.: Д. В. А й н а л о в. 1) Два примечания к Слову о полку Игореве. — Труды XIV археологического съезда, т. III, М., 1911, протоколы, стр. 59; 2) Два замечания к «Слову о полку Игореве». — Записки Історічної і фільологічної секції Українського наукового товариства в Києві, кн. XVII, 1918.

⁹⁵ См.: там же.

⁹⁶ См.: В. В. М а в р о д и н. Славяно-русское население нижнего Дона и северного Кавказа в X—XIV веках. — Ученые записки ЛГПИ, т. XI, Л., 1938, стр. 28.

⁹⁷ См.: Ив. М. К у д р я в ц е в. Заметка к тексту «Стоя же Каялы Святоплѣкъ. . .» в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949.

⁹⁸ См.: Д. С. Л и х а ч е в. Общественно-политические идеи «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1951.

перестроено: «се мое, а то мое же»), «отец», «сын» (для обозначения феодальных отношений главы к подчиненному) и т. д.⁹⁹ Многие из этих терминов совершенно исчезли в прежнем их значении в языке послемонгольской поры.

Любопытны наблюдения А. В. Арциховского над упоминаниями оружия в «Слове». Мечи, впоследствии переставшие применяться, в XII в. действительно еще употреблялись наряду с начавшими входить в военный обиход саблями. Щиты русских действительно красились в червлёный цвет. Шлемы князей были действительно золочеными. Массированное употребление стрел в начале боя, чтобы рассеять боевые порядки противника, было общеупотребительным в XII в. и в самом деле напоминало дождь или град. Копья были тонки; они употреблялись в начале боя и действительно скоро ломались.¹⁰⁰ «Поскепанпыи» (расщепленные) шлемы половецкие и в самом деле могли быть расщеплены, так как делались из дерева и только сверху покрывались стальной [оковкой].¹⁰¹

Археологически точны указания на одежду. «Златое ожерелье» — оплечье русских князей.¹⁰² «Папорзи», вернее «паворози», как предлагает исправить это слово Ю. М. Лотман, — это ремённые завязки латинских шлемов, укрепленные железными пластинками (в тексте первого издания: «железныи папорзи подшеломы латиньскимы»).¹⁰³ Н. А. Мещерский объяснил, что означает «бебрия рукав» Ярославны.¹⁰⁴ «Паволоки» и «драгыя оксамиты», которые захватили воины Игоря в половецких вежах, — это те самые товары, с которыми приходили половцы торговать на Русь, покупая их в причерноморских городах у греков.

Этнографически подтверждены и древнерусские поверья, отразившиеся в сие Святослава Киевского.¹⁰⁵ Подтверждены и дру-

⁹⁹ См.: Д. С. Л и х а ч е в. Устные основы поэтической системы «Слова о полку Игореве». — Сб. «Слово о полку Игореве», исследования и статьи.

¹⁰⁰ См.: А. В. А р ц и х о в с к и й. Русское оружие X—XIII в. — Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, вып. 4, М., 1946. Ср. также главу «Оружие» в «Истории культуры древней Руси» (т. I. М.—Л., 1948).

¹⁰¹ См.: Н. П. К о н д а к о в. Македония. Археологическое путешествие. Изд. ОРЯС, СПб., 1909, стр. 27.

¹⁰² См.: А. В. А р ц и х о в с к и й. Русская одежда X—XIII вв. — Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, вып. 3, М., 1945; ср. также: А. В. А р ц и х о в с к и й. Одежда. — История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948.

¹⁰³ См.: Ю. М. Л о т м а н. О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 37—40.

¹⁰⁴ См.: Н. А. М е щ е р с к и й. К вопросу о территориальном приурочении первоначального текста «Слова о полку Игореве» по данным лексики. — Ученые записки Карельского педагогического института, т. III, вып. 1, Серия историко-филологических наук, 1956.

¹⁰⁵ См.: М. П. А л е к с е е в. К «Сну Святослава» в «Слове о полку Игореве». — Сб. «Слово о полку Игореве», исследования и статьи.

гие детали: действительно славились на Руси угорские иноходцы; пленных действительно заключали в «гридницах» — больших пиршественных залах («и падеся Кобякъ въ градъ Киевъ, въ гридницъ Святъславли»).¹⁰⁶ Даже такая деталь, как упоминание в «Слове» «красных» (т. е. красивых) девушек половецких, находит себе подтверждение у Низами в его поэме «Искендер-намэ», где восхваляется красота половчанок.¹⁰⁷

В самое последнее время объяснено одно из самых трудных мест «Слова о полку Игореве»: «. . . а сынъ Всеволожь, Владимиръ, по вся утра *уши закладаше* въ Черниговъ». «Закладывать уши» означает запирасть засовами ворота. «Уши» или «проушины» — это проемы в стене, куда закладывались большие засовы — бревна.¹⁰⁸

Особенно удачными представляются мне многочисленные работы киевского природоведа Н. В. Шарлеманя, разъяснившего многие природоведческие реалии «Слова». Автор «Слова» весьма лаконичен в своих описаниях природы. Он писал для своих современников — таких же знатоков природы и охотников, как и сам он, поэтому он многое недоговаривал. Н. В. Шарлемань показал, как тонко знал автор «Слова» степную природу. Н. В. Шарлемань объяснил, почему стук дятлов указывал Игорю путь к реке, почему лисицы лаяли на щиты русских, почему Донец сторожил Игоря «гоголемъ на водъ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ». Шарлемань показал также, какие из зверей в степи действительно свистели, почему «приодели» дружину Изяслава Васильковича своими крыльями птицы, почему сокол «в мытех» не дает своего гнезда в обиду, почему берега Донца названы серебряными, и т. д., и т. п.¹⁰⁹

Я перечислил только те толкования, которые вполне разъяснили неясные места текста и могут быть приняты даже самым придирчивым критиком. Толкований просто приемлемых было предложено очень много и еще больше было предложено толкований сомнительных или совсем неприемлемых. Но дело не в этих сомнительных толкованиях, — важно, что в «Слове» оказались разъ-

¹⁰⁶ См.: История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, стр. 220—222.

¹⁰⁷ См.: Низами. Искендер-намэ. Перевод Конст. Липскерова, М., 1953, стр. 358 и сл.

¹⁰⁸ См.: Д. Д. Мальсагов. О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве». — Известия Чечено-ингушского научно-исследовательского института, т. I, Языкознание, Грозный, 1959, стр. 159—162.

¹⁰⁹ См.: Н. В. Шарлемань. 1) Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948; 2) Природа в «Слове о полку Игореве». — Сб. «Слово о полку Игореве», исследования и статьи; 3) Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1951; 4) Из комментариев к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954. Ср. также: П. Савицкий. Литература факта в «Слове о полку Игореве». — Всеславянский сборник, Zagreb, 1930.

ясненными десятки неясных мест. Важно также, что к отдельным местам «Слова», которые первоначально казались единичными, были подысканы сотни параллелей в других памятниках древнерусской литературы, оригинальной и переводной, и в произведениях фольклора. Некоторые из этих параллелей были совсем близкими, другие — отдаленными, но все они в конечном счете показали, что «Слово» не стоит обособленно.

Удивительно, как легко шел текст «Слова» навстречу своим комментаторам. Такое положение было бы абсолютно невозможно с текстом фальсификата.

*

Самое убедительное доказательство подлинности «Слова» извлекается из анализа его идейного содержания, исторических сведений, которые оно включает, из верности общей картины эпохи и ее отдельных деталей.

Идейное содержание «Слова» было совершенно не понято при его открытии и долгое время спустя. Лишь успехи исторической науки в советское время позволили правильно понять историческую обстановку, отразившуюся в «Слове», внутреннее состояние феодальных княжеств, характер призывов, обращенных к отдельным князьям, исторические воззрения автора «Слова», субъективный и объективный смысл его идеи и т. д. «Слово» оказалось явлением общественной мысли своего времени. Оно было объяснено как порождение особого расклада социальных сил 80-х годов XII в.

Круг исторической и современной ему политической осведомленности автора «Слова о полку Игореве» оказался очень велик и совершенно точен.¹¹⁰ Несмотря на незначительные размеры «Слова», в нем упомянуты десятки исторических имен и фактов. Как современник разбирается автор «Слова» в политическом положении отдельных русских княжеств. С удивительной точностью оценивает автор политическое положение Владимиро-Суздальского княжества, Галицкого, Полоцкой земли и т. д. Он о многом говорит мимоходом, намеками для читателей-современников, хорошо осведомленных о событиях своего времени. Надо было не только быть гениальным историком, но предвосхитить многие исторические исследования XIX и XX вв., чтобы в XVIII в. написать «Слово», все сотканное из множества исторических фактов, припоминаний, напоенное воздухом своего времени и представляю-

¹¹⁰ См.: А. В. Соловьев. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — ИЗ, № 25, М.—Л., 1948; Д. С. Лихачев. Политический и исторический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — Сб. «Слово о полку Игореве», исследования и статьи.

щее собой произведение, которое можно было бы отнести к своеобразному разряду лирики — лирике политической, в которой каждое упоминание политического события эмоционально окрашено и приподнято.

Характерно, что отдельные наблюдения, поправки, параллели, которые накапливали исследователи «Слова», в основном подтверждали общее истолкование его идейного смысла. Это истолкование идейного смысла «Слова» было очень нелегким, совершалось медленно, так как оно в основном зависело от состояния исторической науки в целом. Но зато уверенность в его подлинности, которая сообщалась исследователям именно этим общим пониманием идейного содержания «Слова», была особенно велика. Это вполне ясно для исследователей истории русской исторической науки.¹¹¹

*

Мнение о подложности «Слова» возродилось во второй четверти XX в. Первоначально сомнения в подлинности «Слова» были высказаны французским славистом Луи Леже в книге «Russes et slaves» (*Études politiques et littéraires*, Paris, 1890) и в книге «La mythologie slave» (Paris, 1901, стр. 5), а затем подхвачены А. Мазоном — сперва только попутно в статье 20-х — начала 30-х годов о былинах, напечатанной в журнале «Revue des études slaves». В 1934 г. это сомнение было подхвачено Ю. Кржижановским,¹¹² а с 1938 г. А. Мазон начал печатать в «Revue des études slaves» (tt. XVIII и XIX) ряд статей, объединенных им затем в одну книгу «Le Slovo d'Igor» (Paris, 1940), продолженную в 1944 г. в «Revue des études slaves» (t. XXI, i. 1—4). Из последующих работ А. Мазона на эту же тему наиболее значительны: статья «La campagne d'Outre-Don de 1380», вышедшая в 1948 г. в «Journal des savants» (janvier—juin), статья «Le slovo d'Igor», вышедшая в 1949 г. в «The Slavonic and East European Review» (v. XXVII, № 69), и «L'auteur probable du Poème d'Igor». — Académie des inscriptions. Comptes rendus, 1944.

Как я уже сказал, главным препятствием на пути у скептиков с начала 50-х годов XIX в. встала «Задонщина». Поэтому концепция А. Мазона в первую очередь стремится пересмотреть вопрос о взаимоотношении «Задонщины» и «Слова». Свое первое исследование на эту тему А. Мазон назвал «реабилитацией» «Задонщины».

¹¹¹ О степени способности историков конца XVIII в. воспринять идейное содержание «Слова» см. ниже статью Ю. М. Лотмана, стр. 341—344 и др.

¹¹² См.: J. K r z y ż a n o w s k i. *Byliny. Studium z dziejów gosijskiej epiki ludowej*. Wilno, 1934, стр. 6. Ср. также его статью в журнале «Balticoslavica» за 1936 (II) и 1938 (III) гг.

В общих чертах концепция А. Мазона сводится к следующему. Мнение исследователей о подражательном характере «Задонщины» неправильно. Напротив: подражательно «Слово». «Задонщина» выше «Слова» в художественном отношении и первоначальнее его. Не «Задонщина» зависит от «Слова», а «Слово» от «Задонщины». Для этого А. Мазон всего только на 2—3 страницах своей работы¹¹³ пытается создать свою гипотезу взаимоотношения списков «Задонщины», согласно которой существует не одна «Задонщина», а две «Задонщины» — вернее две ее редакции. Древнейшая редакция представлена Кирилло-белозерским списком (70-е годы XV в.), который все исследователи «Задонщины» считают дефектным и который состоит только из той ее части, где Куликовская битва рассматривается как поражение (древнейшая точка зрения на Куликовскую битву, согласно А. Мазону!). Позднейшая редакция, представленная списками Историческим 1 (XVI в.), Историческим 2 (XVI в.), Ундольского (XVII в.) и Синодальным (XVII в.), относится к XVI—XVII в. и является не полной, как ее обычно считают исследователи, а дополненной: в ней к «жалости» по Куликовской битве, которую «историческая легенда с течением веков превратила в России в блестящую победу»,¹¹⁴ добавлена «похвала» ей. Позднейшее происхождение «Слова» доказывается, по мнению А. Мазона, тем, что «Слово» ближе всего не к Кирилло-Белозерскому списку (считающемуся всеми дефектным, а, согласно А. Мазону, являющемуся древнейшим по тексту), а к остальным спискам (считающимся всеми полными, а, по А. Мазону, дополненными в XVI—XVII вв.). В конце XVIII в. якобы был найден один список этой поздней версии «Задонщины», который и лег в основу «Слова о полку Игореве». А. Мазон считает, что из «поздней» версии «Задонщины» в «Слово о полку Игореве» перешли черты, свойственные XVI в. Он предполагает, что «заимствованная из Библии формула» «грозы твоя по землям текуть»¹¹⁵ могла быть распространена добавлением «стреляй, князь великий, по всем землям стреляй!» только в эпоху Грозного. Именно в эту эпоху будто бы это «стреляй, князь великий, по всем землям стреляй!» было добавлено в позднюю версию «Задонщины», а оттуда перешло в «Слово» в виде формулы: «стреляй, господине, Кончака», характерной якобы именно для эпохи Ивана Грозного!¹¹⁶

Как видим, гипотеза А. Мазона о поддельности «Слова» строится в свою очередь на ряде гипотез. К сожалению, А. Мазон не дал в своих работах ни реконструкции первоначального вида

¹¹³ См.: А. М а з о н. Le Slovo d'Igor, 1940, стр. 14—17.

¹¹⁴ Там же, стр. 44.

¹¹⁵ А. М а з о н. Le Slovo d'Igor. — The Slavonic and East European Review, vol. XXVII, № 69, 1949.

¹¹⁶ См.: А. М а з о н. Le Slovo d'Igor, 1940, стр. 154.

«Задонщины», ни того вида, который якобы повлиял на «Слово» (такие реконструкции облегчают исследователям возможность судить о текстологической гипотезе).¹¹⁷ Мазон пользуется эпизодической критикой текста и крайне субъективными предположениями о том, какой вариант текста следует считать более первоначальным, не анализируя идейного и художественного взаимоотношения обоих произведений в целом.

Другая гипотеза А. Мазона, стремящаяся поддержать первые две, состоит в том, что этот протооригинал «Слова» — вариант «Задонщины» — был на руках у неизвестного фальсификатора «Слова» в конце XVIII в. и был им уничтожен, якобы для того, чтобы скрыть основной источник своей фальсификации. Эта третья гипотеза А. Мазона, «подпирающая» первые две, не подкрепляется никакими конкретными фактами. Это чистое предположение, единственным источником которого является желание как-то перевернуть взаимоотношение «Слова» и «Задонщины», сделать возможной зависимость первого от второго, опровергнув факт позднего открытия «Задонщины» почти через 60 лет после открытия «Слова о полку Игореве» — в 1852 г.

Как видим, сомнения А. Мазона строятся на нескольких предположениях, из которых последнее — чистый домысел, а первое могло бы быть принято за научную текстологическую гипотезу, если бы она была доведена до конца и А. Мазон предложил ее как свою реконструкцию текста.¹¹⁸

Далее А. Мазон высказывает соображения, уже выставившиеся скептиками и в основном впоследствии опровергнутые: «Слово» дошло до нас в единственном списке, этот список погиб якобы при подозрительных обстоятельствах (пожар Москвы! — Д. Л.), в «Слове» много темных мест, в нем якобы наличны модернизмы, полонизмы, галлицизмы, оссианизмы и даже «американизмы» (следы увлечения американскими темами в конце XVIII в.). Все, что в «Слове» несомненно русское, зависит от ряда подлинных памятников: от «Задонщины» в первую очередь, от «Девгениева деяния» и др.¹¹⁹

*

Искусственная и сложная концепция А. Мазона о зависимости «Слова» от «Задонщины» основана на неправильной гипотезе

¹¹⁷ Ср., например, реконструкции «Задонщины», данные В. П. Адриановой-Перетц: «Задонщина». Опыт реконструкции авторского текста. — ТОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948.

¹¹⁸ Подробнее о взаимоотношениях «Слова» и «Задонщины» см. ниже, в статьях Н. К. Гудзия и В. П. Адриановой-Перетц, стр. 79 и сл. и 131 и сл.

¹¹⁹ «Слово», по мнению А. Мазона, имеет много сходных мест с «Девгениевым деянием», и поэтому оно было включено (как? — Д. Л.) в один сборник с «Девгениевым деянием», якобы чтобы закамуфлировать подделку «Деянием».

взаимоотношения списков «Задонщины». Говорить об особом виде (или особой редакции) текста памятника на основании только одного списка всегда бывает очень трудно для текстолога. Тем более это трудно в данном случае, когда текст списка не подтвержден ни одним другим списком и когда отсутствие в нем целой части может быть проще объяснено случайной дефектностью его протографа. Обращу внимание хотя бы на одно обстоятельство. Во всех списках «Задонщины», где за «жалостью» по убитым следует похвала победе, особая роль в этой победе отводится князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому. В списке К-Б эта вторая часть отсутствует, князь Владимир Андреевич не упоминается, но в заглавии списка он есть: «Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича». Если бы в первоначальном тексте «Задонщины» не было бы похвалы и не было бы, следовательно, ничего сказано о Владимире Андреевиче, то такое упоминание Владимира Андреевича было бы совершенно бессмысленным в списке К-Б. Но в том-то и дело, что эта вторая часть чисто случайно отсутствует в списке К-Б, обрывающемся внезапно на плаче жен по убитым мужьям.

Давно установлено также в текстологической практике, что древность списка вовсе не доказывает наибольшей древности того текста памятника, который этот список заключает. Очень часто более поздний список заключает в себе наиболее ранний текст (например, когда это поздняя копия с очень древнего оригинала). Именно так обстоит дело в «Задонщине». Здесь совершенно ясно, что более поздние списки сохраняют более ранний и более полный текст «Задонщины». Поэтому-то «Слово о полку Игореве» в отдельных случаях и ближе к этим поздним спискам.

Нет никаких оснований думать, что первоначально «Задонщина» была только «жалостью» и что Куликовская битва представлялась первоначально русским поражением. Значение Куликовской битвы было ясно уже для современников, отмечено в летописях, отмечено в документах, отмечено возведением храмов (даже в далеком Новгороде), составлением вскоре же после смерти Дмитрия Донского особого произведения, ему посвященного — «Слова о житии и преставлении царя русского Дмитрия Ивановича», и т. д.

«Жалость» и «похвала» были исконным соединением в «Задонщине», представлявшей нечто вроде литературного «диптиха».¹²⁰

---

¹²⁰ Выражение Р. О. Якобсона: *Wkład językoznawstwa do krytycznej analizy tekstu Słowa o wyprawie Igora*. — *Prace językoznawcze. Zeszyt 3 (Filologia, zeszyt VI)*. Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków, 1960, стр. 302.

То обстоятельство, что рассказ «Задонщины» переделывал на свой лад рассказ «Слова», а не наоборот, сразу же заметно по остаткам в «Задонщине» различных реалий, которые могли быть уместны только в «Слове» — в рассказе о походе Игоря, но совершенно неуместны в рассказе о Куликовской победе. Так, например, «Задонщина» относится к эпохе, когда половцев в южных степях уже не было. Сохранение названия «Половецкая степь» в «Задонщине» было бы уместно, если бы она переделывала «Слово», противопоставляя тогдашнее поражение нынешней победе, но бессмысленно в тексте, возникшем вполне оригинально. «Задонщина» говорит о реке Каяле¹²¹ — реке, на которой происходила битва Игоря и которая в связи с другими событиями русской истории больше никогда не упоминается (кроме «Слова», река Каяла упоминается только в Ипатьевской летописи под 1185 г. в описании поражения войск Игоря Святославича Новгород-Северского). «Задонщина» говорит о том, что Дон течет «в землю Половецкую» и «прорыл каменные горы», которых нет по течению Дона, но упоминание которых в «Слове» вполне уместно в отношении Днепра, действительно встречающего на своем пути мощные пороги («ты пробилъ еси каменные горы сквозъ землю Половецкую»). Примеры эти могли бы быть увеличены.¹²²

Однако А. Мазон путем очень субъективных аргументов пытается так истолковать как можно больше сходных мест между «Задонщиной» и «Словом», чтобы вывести из них зависимость «Слова» от «Задонщины».

В анализе взаимоотношений «Слова» и «Задонщины» во всех ее списках А. Мазон непоследователен. Он анализирует отдельные места «Слова» и «Задонщины» вне их связи с другими, соседними, и не пытается указать общие принципы редакционной переработки. «Задонщина» и «Слово» сопоставляются друг с другом в отдельных своих местах, но не в целом. Критерии для установления вторичности «Слова» у А. Мазона отнюдь не едины, они ме-

¹²¹ «Те бо на реке на Каяле одолеша (раньше, в древности, — Д. Л.) род Афетсв» (В. П. Адрианова-Перетц. «Задонщина». Текст и примечания. — ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 198). А. Мазон предполагает, что упоминание реки Каялы попало в «Задонщину» из летописного рассказа (Ипатьевской летописи, которая почему-то попала в руки автора «Задонщины») о походе Игоря Святославича 1185 г. Следовательно, А. Мазон не может не признать, что в какой-то, пусть самой незначительной, мере рассказ о Куликовской битве в «Задонщине» действительно зависит от рассказа о битве на Каяле 1185 г. Из сотен битв русских выбрана битва 1185 г. мелкого новгород-северского князя Игоря Святославича. Без «Слова о полку Игореве», как литературного образца «Задонщины», это обстоятельство более чем странно.

¹²² См. ниже статьи В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия.

няются в зависимости от того, что в данном случае более выгодно для обоснования зависимости «Слова» от «Задонщины».

Так, например, А. Мазон считает в одних случаях, что автор «Слова» подлаживался под тон и стиль русских народных песен, а в других — напротив, считает, что автор «Слова» выбрасывал «сельский материал» и на этом основании отказался, например, использовать образ жаворонка из «Задонщины», заменив его образом соловья.

В большинстве сопоставленных А. Мазоном мест обоих памятников он противопоставляет «темноту» (*obscurité*) «Слова» якобы ясности «Задонщины». Однако А. Мазон не может совсем отрицать того очевидного факта, что «Задонщина» во всех своих списках полна неясностей, а иногда и явных пелепостей, — тогда ясность «Слова» неожиданно оборачивается в глазах А. Мазона уликой вторичности «Слова». Он считает, например, что если бы в своей очень неясной вступительной части автор первоначальной версии «Задонщины» имел перед собою образцом «Слово», то этой неясности якобы не было бы. И т. д.

Мы не останавливаемся сейчас на разборе вопроса о взаимоотношении «Слова» и «Задонщины», так как ниже в статьях Н. К. Гудзия, В. П. Адриановой-Перетц и Н. М. Дылевского читатель сможет найти подробные доказательства вторичности «Задонщины».

*

Игнорируя большую исследовательскую литературу о «Слове», А. Мазон пытается доказать, что «Слово» заключает в себе многочисленные отражения литературных вкусов, знаний, языка конца XVIII в. Это прикрепление «Слова» к концу XVIII в., акт явно насильственный, А. Мазон не мог совершить без большого количества натяжек, в основной части которых он не оригинален. А. Мазон пошел по следам старых скептиков, разыскивая в «Слове» оссианизмы, галлицизмы, полонизмы, модернизмы вообще и даже «американизмы» (т. е. следы увлечения в конце XVIII в. индейскими сюжетами). Здесь А. Мазон во многом повторяет старые примеры скептиков, не принимая во внимание даже того, что многие из этих примеров давно опровергнуты открытием новых памятников древнерусской литературы и внимательным изучением прежних.

Вслед за старыми скептиками А. Мазон считает доказательствами поддельности «Слова» его «темные места». При этом А. Мазон несколько преувеличивает количество «темных мест», отказываясь признавать их толкования, некоторые из которых давно

приняты и прочно закрепились в науке. Все «темные места» в «Слове» А. Мазон считает результатом бессилия воображаемого фальсификатора преодолеть трудности старинного языка.¹²³

Старые скептики исходили прежде всего из представлений о низком уровне развития письменности и культуры в целом Киевской Руси. Этим же представлениям придерживается в настоящее время и А. Мазон.

О высоком уровне культуры Киевской Руси он пишет с иронией, как и о «горестной судьбе России» («la destinée désastreuse de la Russie»), разоренной татаро-монгольским нашествием.¹²⁴

Старые скептики отрицали очевидные поэтические достоинства «Слова». М. Н. Катков прямо писал: «Такая уродливость в языке, такая дикая à la Марлинский вычурность и витиеватость в сравнениях и изображениях, такая натянутость, надутость, бессвязица, — ни одного слова живого! Сколько мест, не имеющих никакого отношения ни к предыдущему, ни к последующему! Сколько выражений совершенно бессмысленных, над которыми ужасно трудились объяснители и объясняли так, что хоть кого заставили бы расхохотаться!»¹²⁵

То же отрицание поэтических достоинств «Слова» встретим мы и в первых работах А. Мазона о «Слове».

Как известно, поэзия «Слова» при своем открытии была сравнена Н. М. Карамзиным с поэзией Оссиана. Это было естественно: в этом сказался субъективизм эпохи, пытавшейся в чужом и древнем обнаружить свое, модное, нравившееся, отвечавшее вкусам своего времени. Повторяя впечатление Н. М. Карамзина о сходстве «Слова» с поэзией Оссиана, О. И. Сенковский писал: «Над „Словом о полку Игоря“ носится в нашем уме сильное подозрение в мистификации, оно крепко пахнет Оссианом; его фразы словно выкроены по Макферсоновым. . .»¹²⁶ И то же пишет через сто лет А. Мазон!

Между тем в поэзии Оссиана и «Слова» весьма мало общего. Мрачный колорит, восклицания, предчувствия и предположения, сентиментальные сцены, слезы, проливаемые действующими лицами, таинственный «див», которого первые издатели произвольно отождествили с филином, действительно встречающимся у Оссиана, — все это слишком шаткие основания для решительных сближений.

¹²³ См.: А. М а з о н. Le Slovo d'Igor, 1940, стр. 46.

¹²⁴ См.: там же, стр. 6.

¹²⁵ См. рец.: М. Н. К а т к о в. История древней русской словесности. Сочинение М. Максимовича. Книга первая. Киев, 1839. — Отечественные записки, 1840, т. IX, Критика, стр. 71.

¹²⁶ БЧ, 1834, кн. IV, ч. 2, отдел V, стр. 5—7.

Первоначальные скептики писали об «оссианизме» «Слова» еще до открытия «Задонщины», новейший же скептик А. Мазон повторил эти высказывания первых скептиков, отлично зная текст «Задонщины», где все указываемые им и первыми скептиками «оссианизмы» уже имелись, что само по себе было достаточным опровержением той точки зрения, что творец «Слова» был под влиянием Оссиана.

В частности, ученик А. Мазона чешский славист Я. Фрчек ясно показал, что меланхолический пейзаж, якобы сближающий «Слово» с поэзией Оссиана, не в меньшей мере, чем «Слову», присущ и «Задонщине».¹²⁷ В «Задонщине» имеются и атмосфера предчувствий и примет, и слезы, и восклицания, и пресловутый див.

Вслед за О. И. Сенковским А. Мазон повторяет утверждение о галлицизмах в «Слове», приводя порой его же примеры.

Вслед за Евг. Болховитиновым и прямо ссылаясь на него, А. Мазон говорит о том, что в XII в. автор «Слова» не мог говорить «старые словеса», это естественнее у писателя XV—XVI в.¹²⁸ Как будто бы автор «Слова о полку Игореве» обязан был ощущать себя стоящим в самом начале литературного и языкового развития и принадлежащим литературе без прошлого.

Насколько близко следует А. Мазон за давно опровергнутыми сомнениями скептической школы, показывает хотя бы и тот факт, что А. Мазон вслед за Н. П. Румянцевым смешал Пирогощю с Владимирской божьей матерью и считает исторической несообразностью («evident anachronism») то, что Игорь по возвращении в Киев едет к Пирогощей, якобы увезенной из Киева Андреем Боголюбским в 1160 г.¹²⁹ (На самом деле Андреем Боголюбским увезена была икона Владимирской богородицы, что и было в свое время разъяснено Н. М. Карамзиным).¹³⁰

¹²⁷ См.: J. F r ě k. Zádónština. Staroruský žalospév o boji rusů s tatary r. 1380. Rozprava literárně dějepisná. Kritické vydání textů. — Práce Slovanského ústavu v Praze, Svazek XVIII, v. Praze, 1948, стр. 138 и сл.

¹²⁸ См.: А. М а з о н. Le Slovo d'Igor, 1940, стр. 50. Митрополит Евг. Болховитинов одно время сомневался в подлинности «Слова», но затем, как известно, признал его подлинность.

¹²⁹ См.: А. М а з о н. L'auteur probable du «Poème d'Igor». — Académie des inscriptions. Comptes rendus, 1944, стр. 213.

¹³⁰ Н. М. Карамзин пишет о Владимирской божьей матери и об отличии ее от иконы Пирогощей и церкви Пирогощей: «Сия чудотворная икона находится ныне в Москве в Успенском соборе и называется Владимирскою. Об ней сказано в харатейных летописях: „юже принесоша в едином корабли с Пирогощею из Царяграда“, а в Степенной: „принесен бысть к нему (Георгию) от Царяграда Пирогощею купцем богородице образ, его же написа богогласный Лука евангелист“. Сей мнимый гость есть, кажется, недоразумение: ибо, Пирогощею назывался также образ Богородицы, привезенный в Россию с иконою Владимирскою. Еще Мстислав, в 1131 году, заложил в Киеве церковь св. Богородицы Пирогощею, как сказано в летописях» (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. II. СПб., 1816, стр. 497).

В обращении Игоря к Доицу («О Донче! Не мало ти величия, лелеявшу князя на вльнахъ», и т. д.) А. Мазон стремится увидеть профессионализм ученого XVIII в. («le métier d'un lettré du XVIII-e siècle»),¹³¹ хотя подобные риторические восхваления сил, явлений и отдельных объектов природы многократно встречаются в произведениях XII в., в частности в произведениях Кирилла Туровского.

«Американизмом», результатом увлечения в конце XVIII в. индейскими сюжетами, А. Мазон считает прозвище брата Игоря — Всеволода — Буй Тур. А. Мазон сопоставляет это прозвище с прозвищем северо-американских индейцев,¹³² забывая посмотреть русские летописи, где с туром сравнивается Даниил Галицкий (1200 г.) и не принимая в расчет ту же излюбленную А. Мазоном «Задонщину», где непонятное выражение «ста тур на боронь» не может не рассматриваться как реминисценция «Слова» (ср. в «Слове»: «Ярь Туре Всеволодѣ! стоиши на борони»).

Лексические догадки А. Мазона отличаются крайней произвольностью. Так, например, под влиянием, очевидно, русского языка нового времени А. Мазон считает слово «девки» обладающим унизительным оттенком и поэтому якобы невозможным в древнем памятнике, хотя еще Е. В. Барсов заметил, что формула «красная девка» в великорусских, белорусских и украинских песнях отнюдь не пренебрежительна,¹³³ а в древнерусских памятниках это слово встречается постоянно и отнюдь не с пренебрежительным оттенком.¹³⁴

*

А. Мазон придает особенное значение уникальности «Слова» — и по форме, и по содержанию. В этом он опять-таки сходится с первыми скептиками, которые также подчеркивали уникальность «Слова». Но А. Мазон не учитывает при этом, что уникальность «Слова» со времени первых скептиков значительно поблекла в результате открытий новых памятников древней русской литературы: таких, как «Задонщина» (как ни толковать ее взаимоотношений со «Словом»), «Слово о погибели Русской земли» и др. С другой стороны, разве в литературе XI—XIII вв. не оказалось и других, не в меньшей мере уникальных, памятников: «Поучения» Владимира Мономаха, «Слова о законе и благодати» митро-

¹³¹ А. М а з о н. Le Slovo d'Igor, 1940, стр. 168.

¹³² См.: там же, стр. 67.

¹³³ См.: Е. В. Б а р с о в. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник киевской дружинной Руси, т. III, М., 1899, стр. 234.

¹³⁴ См. примеры в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (т. I, СПб., 1893, стр. 781—782). См. подробнее о слове «девкы» ниже в статье Н. М. Дылевского, стр. 234—236.

полита Илариона, «Моления» Даниила Заточника, того же уже упомянутого «Слова о погибели Русской земли» и т. д.? Каждый из этих памятников также уникален, как и «Слово о полку Игореве».

Не ясно ли, что А. Мазон слишком преувеличивает значение уникальности «Слова». ¹³⁵ Отметим, что А. Мазон дает и неправильное истолкование освещения этой уникальности в научной литературе о «Слове». Историки русской литературы, говорит А. Мазон, тщетно пытаются объяснить «уникальность» «Слова» опустошениями, причиненными татарским нашествием, и тем самым культурным упадком Киевской Руси. ¹³⁶ Однако основное объяснение того, почему от литературы Киевской Руси сохранилось мало произведений светского (и даже языческого) характера, иное. Историки древней русской литературы постоянно подчеркивали, что основными хранилищами памятников древней русской письменности были монастырские библиотеки. Особым, монастырским, отбором памятников для этих библиотек и объясняется малое число сохранившихся в них памятников светской письменности. Уже С. Шевырев писал, что «Слово» сохранилось в единственном экземпляре потому, что не имело исключительно христианского характера, носило яркие следы язычества и написано было с политической, а не с религиозной целью. ¹³⁷

*

В представлениях А. Мазона о том, как было подделано «Слово», много неясного. Как известно, рукопись, в которой находилось «Слово» и которая сгорела в московском пожаре 1812 г., представляла собой очень большую книгу с многими объемистыми произведениями. Если «Слово» было поддельным произведением, то была ли подделана вся рукопись во всем ее объеме или только ее часть, которая содержала «Слово»? Первое было бы исключительным явлением в истории подделок. Как известно, подделываются только небольшие по размерам произведения и рукописи. Второе противоречило бы показаниям свидетелей, что рукопись была вся написана одним почерком. Было бы странным, что ученые, видевшие рукопись и весьма опытные в палеографии (такие, как Н. М. Карамзин, А. И. Ермолаев и др.), не заметили даже разницы в почерке, в бумаге и того, что рукопись «Слова» вплетена или вклеена в текст хронографа.

¹³⁵ Об уникальности и исключительности «Слова» см. ниже, в моей статье «„Слово о полку Игореве“ и особенности русской средневековой литературы», стр. 305—310.

¹³⁶ См.: А. М а з о н. *Le Slovo d'Igor*, 1940, стр. 6.

¹³⁷ См. рец.: С. П. Ш е в ы р е в. Полное собрание русских летописей, т. II, Ипатьевская летопись. — Москвитянин, 1843, № 12.

Не давая ответа на эти весьма важные вопросы, А. Мазон не дает ответа и на вопрос о том, как сгорела рукопись «Слова». Было ли уничтожение рукописи «Слова» сознательным актом или чистой случайностью? На основании некоторых мест книги А. Мазона можно думать, что он считает уничтожение рукописи сознательным делом А. И. Мусина-Пушкина. Но тогда встает вопрос: как это могло произойти? Может быть, А. И. Мусин-Пушкин сознательно оставил рукопись в Москве, зная заранее, что она сгорит вместе со всеми его рукописными сокровищами? Ведь сгорела не одна рукопись «Слова», но и все его собрание. Может быть, он, вывезя «Слово», не вывез всех остальных своих сокровищ и уничтожил рукопись позже, решив свалить вину за ее гибель на французов? Но тогда встает вопрос: почему же А. И. Мусин-Пушкин, уезжая, захватил не что-нибудь более ценное из своих рукописей, а именно подделку? Такие недоуменные вопросы встают и встают по мере развертывания концепции А. Мазона.

Ни одна подделка не может считаться прочно установленной, пока не определены цели и обстоятельства этой подделки. Цели могут быть разными: ложно понятый патриотизм, политические, коммерческие (фальсификация предназначается для продажи и т. д.).

Попытки определить цели подделки «Слова» были сделаны и А. Мазоном. Он считает, что «Слово» было подделано в угоду «империализму» Екатерины II кем-то жаждущим услужить политике императрицы («ardent à servir la politique de son impératrice»), чтобы польстить ее чувствам «завоевательницы Юга» и расширительницы границ России на Западе и оправдать ее завоевания (точно в те времена для завоеваний требовались такого рода оправдания).

Ради этой цели якобы было уничтожено более художественное, по мнению А. Мазона, произведение о величайшей победе русских на Юге (так, даже согласно А. Мазону, Куликовская битва воспринималась в XVIII в.), приведшей в конечном счете к освобождению России от татарского ига, и создано более слабое в художественном отношении, «подражательное» «Слово о полку Игореве», основным сюжетом которого является страшное поражение русских, при котором впервые в истории России русский князь оказался в плену у половцев. При этом в угоду «империализму» «завоевательницы Юга» было создано произведение, повествующее о поражении русских как раз при попытке завоевать этот Юг — дойти до Тмуторокани.

Очевидно, что сделанная наспех и неряшливо так называемая Екатерининская копия «Слова о полку Игореве» и была тем подносным экземпляром, ради которого так старались фальсификаторы или фальсификатор!

Характерно, что в этом подносном экземпляре Екатерине в предисловии к переводу «Слова» не только нет никаких намеков на завоевания Екатерины, похвалы ее «империализму» и придворной лести, но напротив — подчеркивается неудача русских войск, тяжесть поражения, преувеличивается (по В. Н. Татищеву) число русских, попавших в плен к половцам и т. д. Вот некоторые выдержки из этого предисловия, написанного для Екатерины: «На оном (сражении «россиян» Игоря Святославича с половцами, — *Д. Л.*) побеждены россияне совершенно. Князя Игорь и Всеволод Святославичи, племянник их Святослав Ольгович Рыльский, сын Игорев Владимир князь Путимльский и пять тысяч войска взяты в плен, и полученная прежде добыча отнята. . . . Таковое россиян поражение привело землю российскую в великий страх, и половцы, пользуясь победою, рассеялись всюду, начали делать разорения». Предисловие говорит даже о «несчастном сражении», о «толиком от половцев разорении», о «скорби» великого князя, о Ярославне (которую авторы предисловия наивно считают супругой Владимира, князя «путимльского»), которая «в печали своей приходит до отчаяния» и т. д.

Получается парадоксальное положение: в угоду русскому империализму Екатерины II создается произведение, повествующее о поражении этого империализма в XII в., а произведение о величайшей победе русских и при этом, по мнению А. Мазона, высокохудожественное уничтожается в своем единственном и лучшем списке!

А. Мазон полагает, что преимущество сюжета поражения мелкого князя Игоря перед сюжетом великой победы Дмитрия Донского заключалось в том, что первый сюжет был древнее. Шесть веков и четыре века! Только ради этого различия на два века и была произведена вся операция — уничтожение одного произведения и подделка другого!

Это уничтожение или сокрытие первого прекрасного списка «Задонщины», — как указывает А. В. Соловьев,¹³⁸ — тем более странно, что «кружок» А. И. Мусина-Пушкина весьма почитал князя Александра Михайловича Белосельского-Белозерского, предки которого — Федор и Иван Белозерские — упоминались в «Задонщине» в весьма славной для них ситуации. Князь Александр Михайлович Белосельский-Белозерский наряду с императрицей Екатериной II был первым, кому был послан перевод «Слова о полку Игореве».¹³⁹

¹³⁸ См.: А. В. Соловьев. Екатерининский список и первое издание «Слова», стр. 2—3.

¹³⁹ Н. К. Гудзий пишет даже по поводу Екатерининского перевода: «Видимо еще раньше (подчеркнуто мною, — *Д. Л.*) был сделан перевод „Слова“, сохранившийся в архиве князей Белосельских-Белозерских» (Судьба печатного текста «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VIII, 1954, стр. 34).

Нет точного ответа у А. Мазона и на вопрос о том, знали ли или не знали первые комментаторы, переводчики и издатели «Слова» о том, что перед ними подделка.

Если фальсификатор «Слова» был одновременно и одним из его комментаторов и переводчиков (как, например, Н. Н. Бантыш-Каменский), то как он мог так явно неправильно понимать текст им же самим созданный? Если же он делал это намеренно, то мог ли он рассчитывать убедить своих читателей в подлинности текста, нарочно создавая «темные места», которые даже сам А. Мазон считает признаками его позднего происхождения? Если же он нарочно создавал «темные места», неправильно делил текст на слова, создавая впечатление, что в рукописи текст был написан в сплошную строку, то почему большую часть этих «темных мест» фальсификатор сделал такими, что они поддались расшифровке, а другую — сделал наглухо «темными»? Если же фальсификатор, выполнив свою фальсификацию, самоустранился от издания, перевода и комментирования своего текста, то не говорит ли это за то, что фальсификатор был на голову выше лучших знатоков русских древностей того времени — Н. Н. Бантыша-Каменского, А. Ф. Малиновского и самого Н. М. Карамзина, сумев не только обмануть их эрудицию, но и так написать свое произведение, что, не истолкованное его современниками, оно в значительной мере правильно было истолковано в дальнейшем — в XIX и в XX вв.?

Не ясен вопрос и о том — как происходило печатание «Слова»; обращались ли первые издатели, копиисты и переводчики непосредственно к якобы фальсифицированной рукописи или имели перед собой только ее копию.

*

В 1944 г. А. Мазон выступил со статьей, в которой предположил, что фальсификатором «Слова» был Н. Н. Бантыш-Каменский. Еще в своей книге 1940 г. «Le Slovo d'Igor» А. Мазон предположил, что автором «Слова» должен был бы быть «старый воин», принимавший участие в военных действиях 1792 г. против Польши, возможно владелец Дудуток или человек, так или иначе биографически связанный с Дудутками. Забывая об этих своих догадках, в новой своей статье А. Мазон строит другие: это должен был бы быть воспитанник Киевской духовной академии, но не вошедший по окончании ее в ряды духовенства, «светский священник», человек эмансипированный и патриот, знаток народной поэзии и близкий ко двору. Строя затем совершенно произвольно психо-

логическую и биографическую характеристику Н. Н. Бантыша-Каменского, А. Мазон «догадывается» затем, что предполагаемый автор «Слова» и был Н. Н. Бантыш-Каменский.¹⁴⁰

Гипотеза А. Мазона об авторе «Слова» не заслуживает большого внимания, поскольку она в свою очередь строится на гипотезе о поддельности «Слова», а эта гипотеза в свою очередь предполагает ряд гипотез (о существовании в конце XVIII в. наилучшего списка «поздней» Задонщины, впоследствии исчезнувшего, о наличии не одной, а «двух Задонщин», о своеобразии взаимоотношения этих двух «Задонщин» и т. д.).

*

В задачу моей статьи не входит опровержение концепции А. Мазона во всех ее деталях. Этому посвящены следующие статьи этого сборника. Мне необходимо было лишь охарактеризовать концепцию А. Мазона в ее целом.

Обратимся к полемике, которая велась в научной литературе с А. Мазоном и его последователями.

С возражениями А. Мазону выступили многие советские и зарубежные ученые. В Советском Союзе А. Мазону возражали А. С. Орлов,¹⁴¹ С. П. Обнорский,¹⁴² Н. К. Гудзий,¹⁴³ В. П. Адрианова-Перетц.¹⁴⁴ В зарубежных изданиях возражения были особенно многочисленны. Здесь следует упомянуть работы А. В. Соловьева,¹⁴⁵ И. Н. Голенищева-Кутузова,¹⁴⁶ А. В. Исаченко,¹⁴⁷

¹⁴⁰ См. критику точки зрения А. Мазона на Н. Н. Бантыша-Каменского как на автора «Слова» в статье Н. К. Гудзия, стр. 122—126.

¹⁴¹ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». Изд. 2-е, доп., М.—Л., 1946 (см. главу «Слово о полку Игореве и скептики», стр. 206—213).

¹⁴² С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, глава «Слово о полку Игореве», стр. 132—198.

¹⁴³ Н. К. Гудзий. 1) Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследованиях проф. А. Мазона. — Ученые записки МГУ, вып. 110, Труды Кафедры русской литературы, кн. I, М., 1946; 2) Найновіші спроби ревізії справжності «Слова о полку Игореве». — «Вісті Академії наук УРСР», Київ, 1946, № 2; 3) Невероятные догадки проф. А. Мазона о вероятном авторе «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, т. IX, 1950, № 6.

¹⁴⁴ В. П. Адрианова-Перетц. 1) «Слово о полку Ігоревім» і «Задонщина». — Радянське літературознавство, Київ, 1947, № 7—8; 2) «Задонщина». Опыт реконструкции авторского текста.

¹⁴⁵ А. Soloviev. Rusiċi et Rus. — Заметки к «Слову о полку Игореве», вып. 2. Институт им. Кондакова, Белград, 1941; А. Соловьев и Р. Якобсон. «Слово о полку Игореве» в переводах конца восемнадцатого века.

¹⁴⁶ И. Н. Голенищев-Кутузов. «Слово о полку Игореве» и рукописи «Задонщины». — Заметки к «Слову о полку Игореве», вып. 2.

¹⁴⁷ А. В. Исаченко. Двойственное число в «Слове о полку Игореве». — Заметки к «Слову о полку Игореве», вып. 2.

П. М. Бицилли,¹⁴⁸ Е. Ляцкого,¹⁴⁹ Л. Гомолицкого,¹⁵⁰ А. Достала,¹⁵¹ А. Зайончковского¹⁵² и Р. О. Якобсона.¹⁵³

В дальнейшем я приведу главным образом те возражения, которым специально не посвящены другие статьи данной книги или которые представляются особенно существенными. Самые сильные возражения А. Мазону были сделаны В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзием, однако оба эти автора представлены в настоящем сборнике своими статьями, суммирующими их соображения прошлых лет, и нет поэтому особой надобности останавливаться на отдельных положениях их работ.

В 1941 г. в Белграде в издании Института имени Н. П. Кондакова вышел второй выпуск «Заметок к „Слову о полку Игореве“»,¹⁵⁴ посвященный защите «Слова» от скептиков. Этот второй выпуск содержал статьи П. М. Бицилли «К вопросу о происхождении „Слова о полку Игореве“», А. В. Соловьева «Rusići et Rus», А. В. Исаченко «Двойственное число в „Слове о полку Игореве“», И. Н. Голенищева-Кутузова «„Слово о полку Игореве“ и рукописи „Задонщины“» и «Послесловие» А. В. Соловьева. Статья А. В. Соловьева с дополнениями воспроизводится ниже и не нуждается поэтому в особой характеристике. Статья А. В. Исаченко касается вопроса, затрагиваемого в лингвистических статьях Н. М. Дылевского и В. Л. Виноградовой ниже. Мы также не будем ее касаться. Статьи же П. М. Бицилли и И. Н. Голенищева-Кутузова содержат такие соображения и материалы, которые не представлены в дальнейшем и поэтому нуждаются во внимательном изложении.

¹⁴⁸ П. М. Бицилли. К вопросу о происхождении «Слова о полку Игореве» (по поводу исследования проф. А. Мазона). — Заметки к «Слову о полку Игореве», вып. 2.

¹⁴⁹ Евг. Ляцкий. 1) Неудачный поход на «Слово о полку Игореве». 1. Скептическое единомыслие. — *Slavia*, Ročník XVII, 1939, sešit 1—2; 2) Неудачный поход на «Слово о полку Игореве». 2. Гипотизация и действительность. — *Slavia*. Ročník XVII, sešit 3, 1939.

¹⁵⁰ L. G o m o l i c k i. Autentyczność «Słowa o polku Igora» w świetle badań radzieckich. — *Kuźnica*, 1948, № 38.

¹⁵¹ A. D o s t á l. Dispute de l'authenticité du «Slovo d'Igor» dans la science occidentale. — *Byzantinoslavica*, v. X, 1949.

¹⁵² A. Z a j a c z k o w s k i. Obrona «Słowa o wyprawie Igora». — *Odrodzenie*, 1949, № 2.

¹⁵³ R. J a k o b s o n. 1) L'authenticité du Slovo; 2) The puzzles of the Igor' Tale, on the 150th anniversary of its first edition. — *Speculum*, v. XXVII, № 1, 1952.

¹⁵⁴ Первый выпуск вышел в Праге в 1936 г. в виде приложения к VIII тому пражского издания: «Сборник статей по археологии и византиноведению», издаваемого Институтом имени Н. П. Кондакова, и содержал статьи: L. R á s o n y i. Les noms de tribus dans le «Слово о полку Игореве»; Н. П. Т о л л ь. О жемчуге в сне Святослава; Д. А. Р а с о в с к и й: 1) «Хипова»; 2) «Поганые тльковины».

Статья П. Бицилли «К вопросу о происхождении „Слова о полку Игореве“ (По поводу исследования проф. А. Мазона)»,¹⁵⁵ написанная в очень спокойных тонах, совершенно ясно показала произвольность и крайний субъективизм А. Мазона в истолковании взаимоотношения отдельных мест «Слова» и «Задонщины» и общие методические недостатки текстологической работы А. Мазона.

П. Бицилли сомневается в утверждении А. Мазона, что «Слово» более близко к позднейшим версиям «Задонщины» (Ундольского и Синодальные), чем к ранним, и спрашивает, «насколько позднейшие списки отражают действительно позднейшую редакцию их?»¹⁵⁶

П. Бицилли показывает, что отдельные бессмысленности, общие для всех списков «Задонщины», восходят, очевидно, к их протографу и могут быть поняты только как искажения «Слова» автором «Задонщины» или, точнее, как искажения той версии «Слова», которая попала в руки автора «Задонщины».

Анализирует П. Бицилли и литературную сторону «Слова» и «Задонщины», показывая художественную слабость и подражательность последней. Так, например, П. Бицилли подмечает, что в «Слове» эпитет «живые» в отношении струн Бояна «истолковывается» контекстом, находится с ним в тесной художественной связи, так как далее говорится, что эти «живые струны» «сам князем славу рокотаху». В списках же «Задонщины» эта связь утеряна: в списке К-Б Боян возлагает свои золотые персты на живые струны; в списке С — «белые руцы на золотые струны»; в списках И-2 и У — «гораздыя (горазныя) персты на живыя струны». Золотыми и живыми, следовательно, именуются то персты, то струны: образ обесмыслен.¹⁵⁷

Особенно удачным представляется мне анализ Бицилли места в «Слове», говорящего о «шеломени». П. Бицилли пишет: «Я остановлюсь прежде всего на его (А. Мазона, — Д. Л.) толковании, посредством сопоставления „Слова“ с „Задонщинами“, того места „Слова“, которому он — и с полным основанием — уделяет особое внимание. Это пассаж: „О русская земля, уже за шеломянемь еси“. Это восклицание кажется автору загадочным, и он пробует расшифровать его, обращаясь, с ссылкой на статью М. Горлина,¹⁵⁸ к „Повести о Волоте Волотовиче“ (списки XVIII в.), где имеется предсказание царя Давида: „А мой сын (Соломон) будет на твоей (русского царя Волота) дочери женат и твоим

¹⁵⁵ Заметки к «Слову о полку Игореве», вып. 2.

¹⁵⁶ Там же, стр. 2.

¹⁵⁷ См.: там же, стр. 17—18.

¹⁵⁸ М. G o r l i n. Salamon et Ptolémée.—RÉS, XVIII. (Примечание П. Бицилли, — Д. Л.).

престолом и царством будет владеть".¹⁵⁹ Связь здесь „Слова“ с „Повестью“ выясняется из сопоставления этих текстов с „Задонщиной“ — обращение зверей к „Русской земле“ накануне Куликовской битвы: „лисицы часто брешут аркучи так: земля еси русская, как еси была доселева за царем за Соломоном, так буди и нынеча за князем великим Дмитрием Ивановичем“ (Кир.-Бел.). В Син., Унд. списках это место читается так: „А лисицы на костях брешут, земля рязанская (У. — русская) теперь бо еси како за Соломоном царем побывала. . .“ А. Мазон предполагает следующее: „Слово“ здесь восходит к Унд. (Син.) версии. Обесмысленный в ней пассаж фальсификатор „осмыслил“ по своему: С о л о м о н о м он понял как ш е л о м е н е м. Возможно, однако, иное допущение, сделанное уже Смирновым: Синодальный список — з а п а д н о -русского происхождения. Быть может, этот список передает первоначальную версию цикла Син., Унд., 2 Ист. М.; эта редакция зародилась в Западной Руси. У автора был список „Слова“, составленный там же. В нем, согласно областному произношению, вм. ш е л о м е н е м было с о л о м е н е м. Это толкование принимает и Шамбинаго. Версия Кир.-Бел. списка здесь — развитие „гlossы,“ каковою является версия Син.-Унд. списка. Легенда о Волоте послужила для редакторов опорой для этого». ¹⁶⁰

Весьма существенный интерес в «Заметках к „Слову о полку Игореве“» представляет статья И. Н. Голенищева-Кутузова «„Слово о полку Игореве“ и рукописи „Задонщины“». На нескольких убедительных примерах И. Н. Голенищев-Кутузов показал, что текст «Слова» вовсе не всегда и не во всем ближе к «поздней» версии «Задонщины» (к спискам И-2 и У). Путем простого сопоставления текстов всех списков И. Н. Голенищев-Кутузов доказал, что в ряде случаев текст «Слова» ближе к «древнейшему» — Кирилло-Белозерскому списку, чем опровергается основное доказательство зависимости «Слова» от «Задонщины»: «Слово» якобы ближе к поздним спискам «Задонщины», чем к наиболее раннему — Кирилло-Белозерскому.

Приведу с сокращениями некоторые из выводов И. Н. Голенищева-Кутузова, сделанных им на основе конкретного анализа материала сопоставлений: «„Фальсификатор“ „Слова“ в XVIII веке, которому необычно везло и который обладал совершенно необычайной для своего времени осведомленностью, должен был — раг

¹⁵⁹ Вариант: «А моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери женитца и твоим царством ему владеть будет» (цит. у Горлина, стр. 68). (Примечание П. Бицилли, — Д. Л.).

¹⁶⁰ П. Бицилли. К вопросу о происхождении «Слова о полку Игореве» (по поводу исследования проф. А. Мазона). — Заметки к «Слову о полку Игореве», вып. 2, стр. 13—14.

dessus le marché — иметь в с е дошедшие до нас рукописи „Задонщины“ или, по крайней мере, в с е соответствующие этим редакциям списки (les Zadonščiny!); позволю себе напомнить, что известные нам рукописи были открыты лишь в XIX веке. Из этих источников он должен был составить довольно хитроумную мозаику, которая — как это ни странно — составила более удовлетворительный текст, чем в любой из редакций „Задонщины“.

«Если „фальсификатор“ XVIII века, — пишет далее И. Н. Голенищев-Кутузов, — не обладал всеми нам известными рукописями или редакциями, то он должен был воспользоваться оригиналом, вожделенным всеми издателями, текстом О (архетипом «Задонщины», — Д. Л.), который он затем „варварски уничтожил“, несмотря на то, что открытие и опубликование первоначального списка „Задонщины“ было бы для него не менее интересно, чем издание „выдуманного“ и составленного из кусочков — подобно тряпичному одеялу — „Слова“, во всяком случае более почетно».¹⁶¹

Чрезвычайно большой интерес представило в «Заметках» «Послесловие» А. В. Соловьева. Развивая мысль, приходившую в голову почти всем читателям труда А. Мазона — о полной бесцельности фальсификации «Слова» при наличии «Задонщины», которая была затем уничтожена, А. В. Соловьев высказал несколько интересных соображений, которые необходимо здесь привести.

«Почему, — спрашивает А. В. Соловьев, — счастливый находчик прекрасного текста „Задонщины“, вместо того, чтобы разгласить эту находку всему кружку и прославиться ее изданием без особых трудов (как Мусин-Пушкин опубликовал в 1793 г. «Поучение» Владимира Мономаха по единственному списку), задал себе целый ряд задач: 1) на основании этой рукописи совершить подлог, 2) для этого заменить славного Дмитрия Донского малоизвестным князем Игорем Путивльским, 3) великую победу заменить поражением, 4) распространить свой оригинал вчетверо — ведь „Слово“ в 4 раза длиннее „Задонщины“ (что за странная графомания), 5) затратить на это массу кропотливого труда и бездну филологических и исторических знаний, достойных лучшего применения, 6) в довольно ясный текст вставить целый ряд головоломок — непонятных слов и выражений, 7) после этого варварски уничтожить оригинал „Задонщины“, чтобы не быть уличенным в подделке и, наконец, 8) умереть в полной неизвестности, ибо даже проницательный г. Мазон до сих пор затрудняется назвать нам имя этого талантливой, но странного чудака?»¹⁶²

¹⁶¹ И. Н. Г о л е н и щ е в - К у т у з о в. «Слово о полку Игореве» и рукописи «Задонщины». — Заметки к «Слову о полку Игореве», вып. 2, стр. 54.

¹⁶² А. В. С о л о в ь е в. Послесловие. — Заметки к «Слову о полку Игореве», вып. 2, стр. 56.

Что касается главной задачи мнимого фальсификатора — оправдать завоевательную политику Екатерины II, то об этом А. В. Соловьев замечает: «Как историк-государствовед, решаюсь напомнить, что вовсе не в обычае Екатерининской империи было оправдывать свои завоевания историческими сочинениями. Напр. при разделе Польши в 1772, 1793 и 1795 годах следовало бы, казалось, объяснить свои права на вновь присоединенные земли. Так сделала Габсбургская монархия, выпустив целый трактат о древних правах венгерской короны на Червонную Русь.¹⁶³ Но правительство Екатерины II ограничилось несколькими словами в манифестах и медалью: „Отторженная возвратих“. Российская дипломатия не требовала ученых объяснений неоспоримых прав».¹⁶⁴

Что касается до якобы имеющих в «Слове о полку Игореве» претензий на Тмуторокань—Тамань, то А. В. Соловьев напоминает, что Таманский полуостров «был присоединен к России еще в 1783 году, одновременно с Крымом. Правительство искало в этих странах прежде всего классических воспоминаний, и в 1786 г. переименовало Тамань в Фанагорию, а в Крыму создало Севастополь и Симферополь. О наследии Митридата гораздо больше говорили в эту эпоху ложноклассицизма, чем об уделах князей-изгоев. А Ясский мир 1791 г. настолько бесспорно утвердил эти области за Россией, что смешно было бы после этого в 1795 г. сочинять труднейшую поэму со смутным указанием на болвана, да еще медлить с ее опубликованием до 1800 года, до времени Павла I, когда она становится окончательно ненужной».¹⁶⁵

О самих же притязаниях в «Слове» на Тмуторокань А. В. Соловьев справедливо замечает, что «Слово» «лишь говорило о том, что русские князья хотели поискать града Тмутороканя, но так этого и не сделали, потерпев решительное поражение и не дойдя даже до Дона. Переводя эти факты на политический язык, из „Слова“ можно сделать вывод, что сфера влияния Руси в XII веке не доходила до Дона и что ей нечего было мечтать о Тмуторокани. Таким образом, „Слово“ скорее могло оправдать тюркские (половецкие) притязания на южную Русь, чем русские на Крым и на Кубань».¹⁶⁶

«А главное, — пишет А. В. Соловьев далее, — в 1795 году у Российской империи были совершенно иные интересы. Все ее

¹⁶³ Vorläufige Ausführungen der Rechte des Königreichs Hungarn auf Klein-oder Rothreussen und Podolien. Wien, 1772. (Примечание А. В. Соловьева, — Д. Л.).

¹⁶⁴ А. В. Соловьев. Послесловие. — Заметки к «Слову о полку Игореве», вып. 2.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же, стр. 57.

вниманию было обращено на Польшу. В 1792 г. состоялась Тарговицкая конфедерация, в 1793 — второй раздел Польши; весь 1794 год протекает в войне с Костюшкой, 22 октября Суворов штурмует Прагу, весь 1795 год идут переговоры о третьем разделе Польши, закончившиеся отречением Станислава Августа 13 ноября в Гродне. Если бы в этом году чудаков-фальсификатор пожелал создать поэму как дипломатическое орудие, то ему следовало взять любую иную тему — победы Романа и Даниила Галицких над поляками, подвиги гродненского воеводы Давида, чтобы оправдать притязания на Гродно и т. под. Вообще надо было выбирать победу, а не поражение. Ведь французской дипломатии не пришло бы в голову оправдывать претензии на испанское наследство тем фактом, что Роланд потерпел поражение в Пиринеях и что об этом сохранилась поэма.¹⁶⁷

Возвращаясь к своей мысли, что «Задонщину» не имело смысла уничтожать, А. В. Соловьев отмечает: «... бояре Дмитрия Донского, упоминаемые в „Задонщине“, — это прямые предки Белосельских-Белозерских, Трубецких, Голицыных, Воронцовых, Тучковых и других сановников царицы.

«Находка „Задонщины“ в 1795 году и немедленное ее издание наполнило бы радостью и императрицу, и придворные круги, и русскую дипломатию, и самого Мусина-Пушкина.

«Напомним малоосведомленным лицам, что Екатерина II в конце своей жизни проявляла сама живейший интерес к Куликовской битве. В том самом VI фолианте ее исторических заметок, в котором был погребен неудобопонятный список „Слова“ с плохим переводом Мусина-Пушкина, мы находим знаменательные следы московфильских интересов императрицы. Перед „Словом“ находится житие препод. Сергия Радонежского, роль коего в Куликовской битве известна. После того собрание актов об отношении Великого Новгорода к московским государям, затем выписка из Никоновской летописи под 1395 г. и о соборе в Переяславле-Залесском в 1313 г. (с ответом Мусина-Пушкина). И, наконец, сообщенные Мусиным-Пушкиным записи о месте погребения Пересвета и Осляби, и выписка из летописи „О вспомогательном войске новгородском, пришедшем к Дмитрию Донскому против Мамаю“, — это есть IV редакция „Повести о Мамаевом побоище“, по классификации Шамбинаго. Видно, что и Екатерина II и Мусин-Пушкин были особенно заняты вопросом о возвышении Москвы, и именно Куликовской битвой как самым великим событием XIV-го века.

«Этот интерес к Дмитрию Донскому, к Сергию Радонежскому, к Пересвету и Осляби должен был быть известен всем друзьям

¹⁶⁷ Там же, стр. 57—58.

Мусина-Пушкина, производившего разыскания о месте погребения богатырей Куликова поля.

«И нас хотят уверить, что член этого кружка имел счастье найти лучший список „Задонщины“, воспевавшей „русского господина Димитрия Ивановича“ — потомка Рюрика и „Владимира Киевского, царя русского“, и его соратников князей Белозерских и других, но что счастливый находчик скрыл этот шедевр, и стал кропотливо переделывать его в жалобную поэму о поражении мелкого князя XII века, ничем не связанного с Московской Русью, о борьбе его с давно исчезнувшими, никому не интересными язычниками-половцами.

«А прекрасную (с точки зрения А. Мазона, — Д. Л.) поэму, воспевавшую величайший подвиг „Руси преславной“, он не только скрыл, но и истребил так старательно, что лишь в 1852 году Ундольскому удалось купить на рынке плохой список несчастной „Задонщины“.

«Cui Igaus prodesset? Кому был нужен такой нелепый обман? Все это странное построение объясняется тем, что проф. Мазон в своем страстном стремлении уличить воображаемого обманщика и удивить Европу своей проницательностью недостаточно вник в дух царствования Екатерины II, в политическую обстановку и культурные запросы той эпохи».¹⁶⁸

*

Серьезное значение в защите подлинности «Слова» имела статья Р. Якобсона «L'authenticité du Slovo», в посвященном «Слову о полку Игореве» специальном выпуске «Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves»,¹⁶⁹ вышедшем в 1948 г. Особенно подробно Р. Якобсон разобрал отдельные слова и выражения «Слова о полку Игореве», которые А. Мазон неосновательно причислил к модернизмам, и показал их наличие в древнем русском языке, — таких, как «сизый», «отворени» (в применении к «тули»), «иноходец», «кровавые раны» и т. д.¹⁷⁰

Самое удивительное, отмечает Р. Якобсон, в рассуждениях А. Мазона заключается в том, что, следуя первым скептикам, не знавшим еще «Задонщины», А. Мазон и сам забывает о «Задонщине», «реабилитировать» и восстановить первенство которой он ставил своей главной целью.

«Обнаруживая» в «Слове» вслед за первыми скептиками оссианизмы, галлицизмы, полонизмы, даже «американизмы» и другие

¹⁶⁸ Там же, стр. 58—59.

¹⁶⁹ La Geste du prince Igor'.

¹⁷⁰ R. J a k o b s o n. L'authenticité du Slovo, стр. 251—258.

модернизмы, А. Мазон не обращает внимания на то обстоятельство, что часть этих признаков принадлежности «Слова» концу XVIII в. на самом деле имеется уже в «Задонщине».

Так А. Мазон относит в «Слове» к проявлениям сентиментального и даже романтического вкуса сцену, в которой два брата — Игорь и Всеволод — разлучаются на берегу быстрой Каялы,¹⁷¹ хотя Ипатьевская летопись подтверждает, что Игорь и Всеволод «разведени быша», а «Задонщина» сохраняет и самые выражения: «туту. . . разлучишася» и эпитет «быстрая» в отношении реки, на которой происходила битва.

К модернизмам относит А. Мазон и сравнение битвы с пиром: «ту пирь докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую»,¹⁷² хотя место это целиком сохранено в «Задонщине» и в «Сказании о Мамаевом побоище»: «не то тебя князи русские гораздо подчивали. . .», «нечто гораздо упилися у быстрого Дону»¹⁷³ и «уже бо гости наши приближаются. . . Утре бо нам с ними пити общую чашу».¹⁷⁴

Мазон считает модернизмом выражение «поганья плъкы».¹⁷⁵ Это самое выражение мы встречаем в «Задонщине» («иссекоша хрестьяне поганые полки на поле Куликове»),¹⁷⁶ как и во многих других произведениях.

К «оссианической манере» относит А. Мазон выражение «Слова» «уныли голоси, пониче веселие, — трубы трубятъ городенский»,¹⁷⁷ забывая, что в «Задонщине» это выражение также имеется: «уже бо веселие их пониче», «и трубы их не трубят, и униша гласи их».¹⁷⁸

А. Мазон находит в «Слове» противоположения симметрично построенных фраз на основе гармоничной уравновешенности («suivant un balancement harmonieux») и видит в этом один из модернизмов «Слова». Но тот же прием мы встречаем во многих произведениях древнерусской литературы и народной поэзии.

¹⁷¹ См.: А. М а з о н. Le Slovo d'Igor, 1940, стр. 104.

¹⁷² См.: там же, стр. 104.

¹⁷³ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. «Задонщина». Текст и примечания, стр. 204.

¹⁷⁴ Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев, М., 1959, стр. 63—64. Ср. также в «Повести о разорении Рязани Батыем»: «Вси равно умроша и едину чашу смертную пиша» и др. (Д. С. Л и х а ч е в. Повести о Николе Зараском. — ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 291).

¹⁷⁵ См.: А. М а з о н. Le Slovo d'Igor, 1940, стр. 84, 172.

¹⁷⁶ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. «Задонщина». Текст и примечания, стр. 204.

¹⁷⁷ См.: А. М а з о н. Le Slovo d'Igor, 1940, стр. 159.

¹⁷⁸ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. «Задонщина». Текст и примечания, стр. 204.

В частности, сам Мазон находит аналогичное «balancement» в «Задонщине».¹⁷⁹

Так, например, А. Мазон во фразе «Слова» «ничить трава жалощами, а древо ся тугою къ земли преклонило» видит гармоничную уравновешенность двух образов в элегическом стиле XVIII в. («une phrase à balancement, dont les deux images s'harmonisent dans le style élégiaque du XVIII-e siècle»)¹⁸⁰ Однако фраза эта повторяется с тем же «balancement» и в «Задонщине», и в «Сказании о Мамаевом побоище». Ср. в «Задонщине»: «занеже трава кровию пролита бысть, а дрevesа тугою к земли приклонишася».¹⁸¹ В «Сказании» это место читается так: «от таковаго бо страха и грозы великыа древа прекланяются и трава посьстиляется».¹⁸²

Вполне новым выражением А. Мазон считает в «Слове» слова «уныша бо градомъ забрала». Р. Якобсон привел параллели этому из «Задонщины» и из Библии.¹⁸³

Новейший оттенок («un accent moderne») находит А. Мазон даже в сравнении «Слова» поля битвы с током, на котором «снопы стелють головами, молотять цѣпы харалужьными; на тоцѣ животь кладуть, вѣють душу отъ тѣла».¹⁸⁴ Многочисленные параллели этому месту привели А. С. Орлов и В. Н. Перетц.

Нет нужды повторять весь тот древнерусский материал и, в частности, материал самой «Задонщины», который был противопоставлен Р. О. Якобсоном общим рассуждениям А. Мазона о «модернизмах» «Слова».

Как показал Р. О. Якобсон, А. Мазон опирается в своих суждениях о наличии или отсутствии в древнерусской литературе того или иного слова, выражения, образа на далеко не полные материалы и параллели к отдельным местам «Слова», подобранные некоторыми из его предшественников.

Р. О. Якобсон, подробно проанализировав всю аргументацию А. Мазона, имел полное право заявить, что А. Мазон не использовал всей богатой литературы о «Слове», удовольствовавшись исследованиями В. Н. Перетца и Е. В. Барсова, А. А. Потевни и «Материалами для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, и поверхностно изучил данные рукописей «Задонщины», хотя стоявшая перед ним задача требовала прежде всего полного

¹⁷⁹ См.: А. М а з о н. Le Slovo d'Igor, 1940, стр. 111.

¹⁸⁰ Там же, стр. 105.

¹⁸¹ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. «Задонщина». Текст и примечания, стр. 202.

¹⁸² Повести о Куликовской битве, стр. 61.

¹⁸³ См.: А. М а з о н. Le Slovo d'Igor, 1940, стр. 108; Р. Я к о б с о н. L'authenticité du Slovo, стр. 286.

¹⁸⁴ См.: А. М а з о н. Le Slovo d'Igor, 1940, стр. 162.

текстологического исследования этих рукописей в их взаимоотношении между собой и со «Словом о полку Игореве». ¹⁸⁵

Однако это доверие к И. И. Срезневскому, В. Н. Перетцу, Е. В. Барсову и А. А. Потебне часто подводит А. Мазона, так как ни один из этих исследователей отнюдь не исчерпал всего материала, и в своих подборках они ставили себе специфические задачи, отвечавшие целям каждого из этих ученых. Вот почему А. Мазон игнорирует общеизвестный, «лежащий на поверхности» материал. Подводит А. Мазона и крайнее преувеличение результатов своих разысканий. Так, А. Мазон уверяет, что в «Слове» много полонизмов. В действительности, как показал Р. Якобсон, А. Мазон указывает только два полонизма, и оба оказываются мнимыми.

Полонизмами в «Слове» вслед за Сенковским и Каченовским А. Мазон считает выражения «до куръ» (т. е. «до петухов»; по-древнерусски «петух» — «кур») и «свычая и обычая». Последнее выражение А. Мазон гривуазно интерпретирует по-своему — «us et coutumes d'amour» (любовные нравы и обычаи) и считает, что перед нами отзвук поэзии Парни («un joli secours au lecteur de Ragnu»), хотя сходные выражения встречаются в древнерусских памятниках без всяких гривуазных оттенков: «любъве и обычая» (Изборник Святослава 1073 г.), «ни въ дружбе, ни в любъви, ни въ съвычай» (Златоструй). ¹⁸⁶

Галлицизмами А. Мазон считает такие выражения, как «хощу кошие приломити» и «следъ править». Первое из этих выражений, сопоставляемое А. Мазоном с клише французских рыцарских романов, оказывается в близких вариантах, широко распространенных в русских домонгольских летописях. ¹⁸⁷ Мнимым оказался галлицизм и второго выражения: «следъ править».

В статье Р. Якобсона «L'authenticité du Slovo» опровергнуто утверждение А. Мазона о том, что автор «Слова» воспользовался для своего произведения рассказом В. Н. Татищева о походе Игоря Святославича в его «Истории российской». Р. Якобсон сделал подробное сличение версий «Слова», Ипатьевской летописи и «Истории российской» В. Н. Татищева, показав, что во всех случаях автор «Слова» либо «нейтрален» по отношению к В. Н. Татищеву, либо ближе к версии Ипатьевской летописи. В «Слове» нет ни одной детали, которая была бы у В. Н. Татищева, но которой не было бы в Ипатьевской летописи. В «Слове» нет ни одной

¹⁸⁵ R. J a k o b s o n. L'authenticité du Slovo, стр. 360.

¹⁸⁶ С р е з н е в с к и й. Материалы, т. III, стлб. 669. Ср. там же: в Пандектах Никона в одном списке «долъгья съвычая», а в другом «долъгья обычая», указывающее на синонимичность слов «съвычай» и «обычай».

¹⁸⁷ См.: Д. С. Л и х а ч е в. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». — Сб. «Слово о полку Игореве», исследования и статьи, стр. 74—76.

ошибки В. Н. Татищева, ни одного его домысла, которые он так часто вводил в свою «Историю» для оживления действия.¹⁸⁸

Сличая текст «Слова» с версиями Татищева и Ипатьевской летописи, Р. О. Якобсон показал, что в целом ряде выражений «Слово» ближе Ипатьевской летописи, чем «Истории российской» Татищева, и нет ни одного случая, где положение было бы обратное.

Приведу эти отдельные сравнения, сделанные Р. О. Якобсоном, расположив их в виде таблицы:

«Слово»	Ипатьевская летопись	«История российская» Татищева
Игорь възрѣ на свѣтлое сълице и видѣ.	Игорь же возревъ на небо и виде солнце.	... увидели затмение солнечное.
И рече Игорь къ дружине своей.	И рече бояромъ своимъ и дружине своей.	И сказал вельможам.
Братие и дружино.	Братья и дружино.	<i>(Обращение пропущено).</i>
Да позримъ синего Доу!	Да то же нам видети.	<i>(Пропущено).</i>
Съ зараня въ пятокъ потопташа поганья плъки половецкыя.	Заутра же, пятку наставшу... усретоша полки половецкие.	И наутрие в пяток... увидели половцов.
Дремлетъ въ полѣ олгово хороброе гнѣздо: далече залетѣло.	И рече Святославъ Олгович... «далече есмь гонилъ по половцевъ...» И облегоша ту.	Святослав же Олгович... говорил... что он далеко гнался за половцами.
Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою слумати, ни очима съглядати... А въстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастыми.	И бысть скорбь и туга люта... и по всей волости Черниговской: князи изымани и дружина изымана и избита.	В Северной земле по всем градам был плач неутешимый.
Тогда великий Святъславъ изрони злато слово с слезами смѣшено и рече...	Святослав же то слышав и вельми воздохнув, утер слез своих и рече...	Святослав слыша, горько плакал о сей гибели, говоря...
Вступита, господина (Рюриче и Давиде), въ злата стремянь за обиду сего времени, за землю Рускую, за рапы Игоревы.	Ныне же половци се победили Игоря и брата его с сыном, а поеди, брате (Давиде), постережи землю Руское.	... объявля ему (Давиду) о сем, и что... ныне нужно своих земель охранять.

¹⁸⁸ Основные выводы сличения трех версий рассказа о походе Игоря Святославича не нарушаются от того обстоятельства, что Р. Якобсон ошибочно считает, что в основе дополнительных сведений В. Н. Татищева лежала особая, более полная версия Ипатьевской летописи. Миф об «особых» источниках «Истории российской» В. Н. Татищева разоблачен С. Л. Пелтичем в кн.: «Русская историография XVIII века». Л., 1961, стр. 222—262.

«Слово»	Ипатьевская летопись	«История российская» Татищева
. . . вежи ся половец- кии подвизаша. А Игорь князь поскочи. . . на воду. Въврѣжеса на бръзь комонь. . . (Игорь и Влур) претръгоста... своя бръзая комоня.	. . . пришед ко реце и перебрел и всед на конь; такo (Игорь и Лавор) поидоста сквозе вежа. . . И иде пеш.	(Игорь) пошел к реке, оную перебрел и, седши на кони, поехали сквозь жи- лица половецкия сам пят.

В последнем из сопоставлений характерно, что и «Слово», и Ипатьевская летопись правильно употребляют двойственное число («претръгоста», «поидоста»), имея в виду Игоря и Овлура (Лавора); В. Н. Татищев ошибочно пишет, что Игорь бежал из плена «сам пят». Это «пят» получилось у В. Н. Татищева из указания летописи, что Игорь бежал в «пятюк», т. е. в пятницу.¹⁸⁹

Р. О. Якобсон указывает еще один весьма характерный признак, по которому мы можем судить о том, что автор «Слова» отнюдь не имел источником текст В. Н. Татищева.¹⁹⁰ В. Н. Татищев не понял тюркского по своему происхождению слова «кощей», означающего «пленник, раб». Он принял это слово за имя собственное. За собственное имя принято оно и первыми издателями «Слова». Между тем в самом тексте «Слова о полку Игореве» слово «кощей» употреблено в первичном значении — это раб, пленник: Игорь пересаживается «из сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево». Золотое седло — седло княжеское (только предметы княжеского обихода в «Слове» золотые), а «сѣдло кощиево» — седло пленника. Игорь попал в плен, и об этом как раз и говорит в данном месте автор «Слова». Следовательно, если утверждать, что автор «Слова» пользовался только текстом «Истории российской» В. Н. Татищева, то надо сказать, что он был при этом и искусным критиком текста, поправляя В. Н. Татищева, избегая его ошибок и в этой своей критической работе значительно опережая свою эпоху.

Итак, бóльшая близость «Слова» к Ипатьевской летописи, чем к рассказу Татищева, несомненна. Показательность этого факта тем более замечательна, что Ипатьевская летопись была обнаружена только спустя восемь лет после выхода в свет первого издания «Слова о полку Игореве» — в 1808 г. Первое издание Ипатьевской летописи вышло в свет в 1843 г.,¹⁹¹ а рукопись летописи, близкой Ипатьевской летописи, которой пользовался В. Н. Татищев, погибла

¹⁸⁹ Р. Якобсон не считает это «сам пят» ошибкой В. Н. Татищева. Происхождение этой ошибки указано мне С. Л. Пештичем.

¹⁹⁰ См.: R. J a k o b s o n. L'authenticité du Slovo, стр. 246—247.

¹⁹¹ ПСРЛ, т. III, СПб., 1843.

после смерти В. Н. Татищева в пожаре вместе со всей его библиотекой.

Следовательно, если говорить серьезно о подделке, предполагаемый фальсификатор «Слова» должен был, замечая следы своей подделки, уничтожить не только лучшую версию «Задонщины» (см. выше, стр. 42), но и какую-то рукопись Ипатьевской летописи (не он ли поджег библиотеку В. Н. Татищева, где какой-то список Ипатьевской летописи имелся?). Не слишком ли это большая цена за «Слово», которое А. Мазон не считает высоким по своим художественным достоинствам? Если же мы вспомним, что предполагаемый фальсификатор «Слова» скрыл еще свои исключительные для конца XVIII в. знания памятников древнерусской литературы (добрых двух десятков, по А. Мазону), русского фольклора, которого тогда еще не понимали и не дооценивали, русской истории, древнерусского языка, то необычайность его жертв для сокрытия следов создания «Слова» станет особенно поражающей.

Одно из самых веских текстологических доказательств старшинства «Слова о полку Игореве» по сравнению с «Задонщиной» приведено Р. Якобсоном в статье «The puzzles of the Igor' tale on the 150th anniversary of its first edition».¹⁹²

Р. Якобсон привлекает внимание к следующему обстоятельству. Сходство в выражениях наблюдается не только между «Словом о полку Игореве» и «Задонщиной», но также между «Словом о полку Игореве», «Задонщиной» и рассказом о походе Игоря Святославича под 1185 г. в Ипатьевской летописи. На эти черты близости всех трех произведений надо обратить особое внимание, так как они могли получиться только в том случае, если «Задонщина» следовала за «Словом», но ни в коем случае не наоборот. Дело в том, что в «Задонщине» имеются только те черты сходства с рассказом Ипатьевской летописи, которые имеются и в «Слове». Ясно, что они перешли в «Задонщину» через «Слово». Допустить, чтобы «Задонщина» пользовалась рассказом Ипатьевской летописи о походе Игоря, а затем в свою очередь повлияла на рассказ о том же походе в «Слове о полку Игореве», совершенно невозможно текстологически. Да и текст Ипатьевской летописи вряд ли мог быть известен автору «Задонщины».

Мы уже приводили выше одно такое место, которое имеется и в «Слове о полку Игореве», и в рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря Святославича 1185 г., и в «Задонщине»: это упоминание реки Каялы, как места поражения русских войск. Замечательно, что и в «Задонщине» и в Ипатьевской летописи река Каяла упоминается в сходном контексте — в связи с плачем по погибшим. В «Задонщине» сообщается, что «отоля Руская земля

¹⁹² Speculum, 1952, january.

седит невесела. . . тугою и печалию покрывшася, плачущися, чад своих поминаючи». ¹⁹³

Как место поражения русских от поганых половцев упоминается Каяла и в рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря в сходном контексте — в связи с плачем по погибшим: «Наведе на ны господь гнев свой: в радости место наведе на ны плачь, и во веселье место желю, на реце Каялы». В «Слове о полку Игореве» Каяла упоминается пять раз: каждый раз как место поражения войск Игоря, как место печали и плача по умершим. При этом надо ясно осознать текстологическое значение того факта, что нигде, ни в каких источниках, кроме указанных, Каяла вообще не упоминается. Значит, если Каяла есть только в «Слове», в «Задонщине» и в рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря Святославича и «Слово» считать памятником XVIII в., тогда очевидно, что рассказ Ипатьевской летописи как-то повлиял на «Задонщину» прежде, чем эта последняя снова повлияла на рассказ о том же походе Игоря Святославича в «Слове о полку Игореве». Ясно, что такое совпадение невозможно.

Но сходство между рассказом Ипатьевской летописи, «Задонщиной» и «Словом» этим не ограничивается. Приведем подряд все места сходства так, как они даны в упомянутой выше статье Р. Якобсона.

Согласно «Слову» «рано предъ зорями Игорь плъкы заворочаетъ (в Ипат.: «Игорь. . . поиде к полку их, хотя возворотити») «жалъ бо ему мила брата Всеволода» (в Ипат.: «виде брата своего Всеволода крепко борюшася, и проси души своей смерти, яко да бы не видел падения брата своего. . . где ныне возлюбленный мой брат?»). В «Слове»: «ту ся брата разлучиста» (в Ипат.: «И тогда. . . розведени быша»). В «Слове»: «на брезѣ быстрой Каялы» (в Ипат.: «на реце Каялы»). В «Слове»: «Ту кровавого вина не доста» (в Ипат.: «и оружья. . . не доста»). В «Слове»: «ту пирь докончаша храбрии русичи» (в Ипат.: «тогда кончавшюся и полку»). В «Слове»: «сваты попоиша, а сами полегоша» (в Ипат.: «Тогда же на польчици Концак поручися по свата Игоря»). В «Слове»: «Ничить трава жалощами, а древо ся тугою къ земли преклонило. Уже бо, братие, невеселая година въстала» (в Ипат.: «в радости место наведе на ны плачь, и во веселье место желю»).

Сравни в «Задонщине»: «князь полки. . . поворотил», «князи их подоша», «туто ся погани разлучишася борзо», «уже бо. . . бедами и тугою».

Еще более разительная связь между тремя произведениями обнаруживается в «золотом слове» Святослава и Дмитрия Ивановича.

¹⁹³ В. П. Андрианова-Перетц. «Задонщина». Текст и примечания, стр. 198—199.

Как известно, «золотое слово» Святослава «с слезами смешено» имеет параллель в рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря. Святослав Киевский, согласно Ипатьевской летописи, услышал о поражении Игоря и «то слышав и вельми воздохнув, утер слез своих и рече: „О любя моя братья и сынове и муже земле Руское! дал ми бог притомити поганья; но не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю“» и т. д. Замечательно, что в «Задонщине» речь Дмитрия Донского при известии о больших потерях русских войск тоже сопровождается редкою подробностью, которую А. Мазон считает даже признаком стиля конца XVIII в., — Дмитрий «прослезился горко и утер слезы».

Чтобы понять, насколько несомненна связь речей Святослава в Ипатьевской летописи и в «Слове» с речью Дмитрия в «Задонщине», необходимо принять во внимание, что во всех русских летописях до XV в. нет второго места, где бы говорилось, что князь произносит речь со слезами.

Не менее значительно и другое совпадение между всеми тремя произведениями, на которое не обратил внимания Р. О. Якобсон. В «Слове» и в Ипатьевской летописи спорят между собой Кза и Кончак. Такого рода воображаемый диалог врагов крайняя редкость в русской исторической литературе до XV в. Второго, во всяком случае, не обнаружено. И в «Слове» и в рассказе Ипатьевской летописи диалог врагов Руси происходит после пленения Игоря. В одном случае враги гонятся за Игорем, в другом они едут в набег на Русь. Содержание обоих диалогов различно, но общая связь между тем и другим диалогом несомненна. В «Задонщине» этому диалогу композиционно соответствует сцена между бегущим Мамаем и фрягами. Особенно близок диалог Кза и Кончака речам фрягов Мамаю. И тут и там речь идет о набеге на Русьскую землю. Возможно, что в нынешнем тексте «Слова о полку Игореве» до нас дошел не весь диалог первоначального текста «Слова» и что вначале текст «Слова» больше связывал все три произведения.

Из приведенных сопоставлений ясно, что если допустить зависимость «Слова» от «Задонщины», то мы должны допустить и влияние рассказа Ипатьевской летописи о походе Игоря на «Задонщину». Это невероятно. Ведь в этом случае мы должны были бы считать, что текст Ипатьевской летописи был известен в конце XIV в. автору «Задонщины», а самое главное, что автор «Задонщины» установил ту самую связь между битвой на Калке Игоря и Куликовской победой, которую А. Мазон приписывает неизвестному фальсификатору XVIII в. При внешнем несходстве событий (в одном случае поражение, в другом — победа) двукратное повторение этой связи крайне неправдоподобно. Ведь, как утверждает А. Мазон, «Задонщина» повлияла на «Слово» только как

литературный образец. Ипатьевская же летопись в рассказе о походе Игоря Святославича никак не могла служить т о л ь к о литературным образцом для «Задонщины». Непосредственного влияния рассказа Ипатьевской летописи на «Задонщину», конечно, не могло быть.

Отсюда абсолютно ясно, что именно «Слово» и только «Слово» повлияло на «Задонщину», а не наоборот. Связь же «Слова» с рассказом Ипатьевской летописи 1185 г. объясняется очень просто: оба произведения имели своим сюжетом один и тот же поход Игоря Святославича.

*

В 1954 г. в Лейдене вышла небольшая книга А. Соловьева и Р. Якобсона «Слово о полку Игореве в переводах конца восемнадцатого века». Подлинность «Слова о полку Игореве» получила в этой книге новые и очень веские подтверждения. Авторы, подробно исследуя переводы XVIII в. (перевод, сделанный для Екатерины II, перевод, обнаруженный в архиве князей Белосельских-Белозерских, и перевод в печатном издании 1800 г.), отчетливо показывают, что лучшие ученые конца XVIII в., привлеченные А. И. Мусиным-Пушкиным к изучению и переводу «Слова», не понимали его текста в очень многих местах: они путали и не опознавали исторические реалии, не понимали языка «Слова» и не понимали его идей. Вместе с тем примечательно, что текст «Слова» с 1795 по 1800 г. оставался неизменным, стабильным. Это показывает, что все члены мусин-пушкинского кружка не допускали и мысли о его поддельности, отнюдь не «улучшали» и не дорабатывали его.

В своей статье «Екатерининский список и первое издание „Слова“» А. В. Соловьев приводит 55 случаев частных непониманий ясных сейчас для нас мест «Слова».¹⁹⁴ Позволю себе привести полностью резюме этих частных наблюдений А. В. Соловьева. Оно очень важно, так как показывает уровень знаний конца XVIII в. и те ограниченные «возможности», которыми обладал фальсификатор, — будь он самым искусным и знающим ученым своего времени.

«Эта выборка примеров достаточно иллюстрирует филологические и исторические знания мусин-пушкинского кружка в 1795 и 1800 году. Мы видим, что кружок (т. е. прежде всего Н. Н. Бантыш-Каменский, а затем его помощник А. Ф. Малиновский) не понимал самых простых глагольных форм, не знал правил русского полногласия, не понимал таких слов, как „шеломя“, „боронь“, „лада“; некоторые фразы он вообще не мог перевести.

¹⁹⁴ Часть этих примеров приведена выше, стр. 12—13.

«Исторические познания членов кружка ограничивались тем, что они прочли „у Татищева в летописи“ и в родословных таблицах Стриттера. Видно, что они не читали даже уже напечатанных летописей. Только раз ссылаются они (в издании 1800 г.) на Никоновскую летопись (издание 1767 г.) и раз — на примечание Болтина.

«Занятые своей работой в огромном Архиве коллегии иностранных дел, где хранились сотни тысяч актов XV—XVIII в., оба ученых архивиста совсем не знали истории Киевской Руси, плохо разбирались в междукняжеских отношениях XII века и беспомощно искали в родословных таблицах незнакомых им Святополков, Глебов, Всеволодов и Давыдов.

«Они совершенно не оценили национального значения „Слова“, его призыва ко всем живым князьям сплотиться „за землю Русскую, за обиду сего времени“. Эти призывы они даже в издании 1800 года считали обращениями к уже умершим князьям — Всеволоду Ольговичу (ум. 1146), Роману Ростиславичу (ум. 1179), Мстиславу Храброму (ум. 1180), сыновьям Мстислава 1-го, странным образом перемешанными с призывами к живым князьям.

«Патриотический пафос „Слова“, его исторические экскурсы оставляли их холодными. Это были для них „некоторые мелочные подробности, в тогдашнем веке терпимые“. Они ценили „Слово“ лишь поскольку находили в нем „образцы витийства“, „дух Оссианов“.

«И в своем переводе они постарались придать этот дух: мифический Див превратился в оссиановского филина, „свычай и обычай“ — в сентиментальные „милые прихоти и приветливость“, а кукующая зегзица — в нежную „воркующую оставленную горлицу“.

«Одним словом, и старый Н. Н. Бантыш-Каменский (в год издания «Слова» ему было 63 года) и молодой А. Ф. Малиновский плохо понимали историческую подкладку памятника, его мифологию, а особенно — его язык. Потому они так долго переводили его, переделывали и перевод и примечания, заменяя новыми даже уже отпечатанные листы; поэтому подготовка издания затянулась с 1795 года по декабрь 1800».¹⁹⁵

Если мы примем во внимание, что к истолкованию «Слова» привлекались все лучшие ученые того времени, то в ошибках первых переводов и комментариев перед нами ясно выступит состояние осведомленности о Киевской Руси конца XVIII в. — состояние, полностью исключающее возможность подделки «Слова» в конце XVIII века.

¹⁹⁵ А. В. Соловьев. Екатерининский список и первое издание Слова. — В кн.: А. Соловьев и Р. Якобсон. «Слово о полку Игореве» в переводах конца восемнадцатого века, стр. 29—30.

«Достаточно приглядеться к стилю и аксессуарам гравированного Баяна,¹⁹⁶ — пишет Р. Якобсон в той же книге, — перечисть сентиментальные отклики современников на открытие „Слова“ и оценить беспомощность первых переводчиков и комментаторов, чтобы еще раз наглядно убедиться, какая глубокая и непреодолимая пропасть отделяла наш памятник и весь художественный мир, речь и культуру домонгольской Руси от московского общества на исходе восемнадцатого столетия с его вкусами, мнениями и навыками».¹⁹⁷

*

В 1948 г. в «Journal des savants» А. Мазон опубликовал статью «La campagne d'Outre-Don de 1380»,¹⁹⁸ представляющую собой развернутую рецензию на два издания «Задонщины» — Я. Фрчека¹⁹⁹ и В. П. Адриановой-Перетц.²⁰⁰ Как и в своих предшествующих работах, А. Мазон разделяет точку зрения Я. Фрчека (она была ему известна и раньше), что существует не одна «Задонщина», а две. Принимая дефектный список (Кирилло-Белозерский) за первоначальную редакцию, А. Мазон считает, что первоначально «Задонщина» заключала в себе только «жалость» по убитым, а впоследствии (в XVI в.) к этой «жалости» была прибавлена и «похвала». Для того чтобы обосновать эту концепцию, А. Мазону пришлось даже утверждать, как мы уже показали выше, что Куликовская битва первоначально воспринималась как поражение, и только с конца XV в., после освобождения от татарского ига, ее стали изображать как победу. Соответственно этой своей концепции, А. Мазон не принимает реконструкции первоначального вида «Задонщины», предложенной в работе В. П. Адриановой-Перетц. Основываясь на таком взгляде на «Задонщину», А. Мазон пытается вновь подтвердить свою точку зрения на «Слово», как на переработку «Задонщины», но новых аргументов не приводит.

Характерно, однако, что в этой своей работе А. Мазон уже не утверждает, что «Задонщина» в художественном отношении выше

¹⁹⁶ Речь идет о «портрете» Бояна, рисованном Ф. Кинелем и гравированном Н. Соколовым, изданном П. П. Бекетовым в 1801 г. в издании гравированных портретов — «Пантеон российских авторов» и впоследствии, в 1811 г., воспроизведенном в «Собрании русских стихотворений», изданием В. А. Жуковским.

¹⁹⁷ Р. Якобсон. Тетрадь князя Белосельского. — В кн.: А. Соловьев и Р. Якобсон. «Слово о полку Игореве» в переводах конца восемнадцатого века, стр. 52.

¹⁹⁸ А. Мазон. La campagne d'Outre-Don de 1380. — Journal des savants, 1948, janvier—juin, стр. 15—25.

¹⁹⁹ Jan Frček. Zádónština: staroruský žalospěv o boji Rusů s Tatary r. 1380. Rozprava literárně dějepisná, kritické vydání textů. V Praze, 1948.

²⁰⁰ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания.

«Слова». Напротив, возражая В. П. Адриановой-Перетц, неоспаримо показавшей, что «Задонщина» ухудшила, вульгаризировала текст «Слова», А. Мазон замечает, что «Слово» могло облагородить «Задонщину».²⁰¹ Дело, однако, не в «облагораживании» или «вульгаризации», так как оба эти процесса обратимы — ими нельзя доказать зависимость одного текста от другого, а в том, что текст, ясный в «Слове», становится порой бессмысленным или крайне неловким в «Задонщине». В последнем случае ни о какой обратимости речи быть не может, так как нельзя вообразить себе автора, пишущего бессмысленный текст, который у его подражателя оказывается не только осмысленным, но и в высшей степени удачным, соответствующим историческим или географическим фактам.

Впрочем, А. Мазон в случае несомненной первоначальности текста «Слова» легко выходит из положения, объявляя эти тексты литературными клише. Так, А. Мазон объявил в своей книге «Le Slovo d'Igor» известную приписку в Апостоле 1307 г., несомненно зависящую от «Слова», сочетанием обычных клише, хотя и не смог привести ни одного примера, где бы эти «обычные клише» были еще употреблены. Возражая же В. П. Адриановой-Перетц по поводу того, что Днепр, пробивающий каменные горы в «Слове», несомненно первоначальнее, чем Дон, пробивающий каменные горы в «Задонщине», так как пороги есть только на Днепре, а по течению Дона их нет, чем обнаруживается в данном случае явная первоначальность текста «Слова», А. Мазон объявляет все это место о реках, пробивающих каменные горы, формулой поэтической традиции. И в этом случае ни одного другого примера этой формулы А. Мазон, разумеется, не привел; такой формулы, как известно, вообще не существует.

В 1949 г. в журнале «The Slavonic and East European Review» (vol. XXVII, № 69) А. Мазон ответил статьей на американское издание «La Geste du prince Igor', épopée russe du douzième siècle», выпущенное в защиту «Слова о полку Игореве». Ответ А. Мазона не заключал новых доводов и не подверг обстоятельному разбору всю аргументацию защитников подлинности «Слова». По существу А. Мазон в кратком виде повторил свою концепцию. Он заявил, что в вопросе о подлинности «Слова» важны не детали, а проблема в целом (стр. 523). Он обращает внимание на пять обстоятельств, которые следует учитывать при разрешении этой проблемы:

²⁰¹ «A côté de l'hypothèse devenue dogme d'une Zadoňščina qui aurait exploité le Slovo en le vulgarisant, l'idée ne lui viendra jamais de risquer la supposition impertinente d'un Slovo qui aurait pillé la Zadoňščina en l'enoblissant» (A. M a z o n. La campagne d'Outre-Don, стр. 24).

1) отсутствие рукописной традиции (списков) «Слова», 2) отсутствие связей с XII веком, 3) наличие остатков, восходящих к XVI в., 4) зависимость «Слова» от «Задонщины» и 5) наличие связей «Слова» с XVIII веком.

Мы уже разобрали выше каждый из этих пунктов концепции А. Мазона и нам нет поэтому необходимости останавливаться на них подробно, поскольку эта статья А. Мазона не включает новой аргументации.

В своей статье А. Мазон учел ту концепцию идейного содержания «Задонщины», которая была высказана мною сперва в журнальной статье 1941 г.,²⁰² а затем в 1945 г. в книге «Национальное самосознание древней Руси».²⁰³ Я писал тогда, что «Задонщина» может рассматриваться как своеобразный ответ на «Слово о полку Игореве», что Донская победа рассматривается в «Задонщине» как реванш за поражение на Каяле, отождествляемое с поражением на Калке, что именно поэтому в «Задонщине» говорится о земле Половецкой, хотя половцев давно уже не было в южнорусских степях (ср. в «Задонщине»: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы и течши в землю Половецкую»; «Москва, Москва, быстрая река: чему еси залелеяла мужей наших от нас в землю Половецкую»), а все события в «Задонщине» оценены в обратном порядке: то, что относилось в «Слове» к половцам, отнесено в «Задонщине» к русским, а то, что отнесено в «Слове» к русским, отнесено в «Задонщине» к татарам.

Однако А. Мазон полагает, что смешения битвы на Калке с битвой на Каяле в «Задонщине» нет, что речь в «Задонщине» идет только о реванше за поражение на Калке, замалчивая тот факт, что в «Задонщине» непосредственно называется река Каяла, на которой потерпели поражение войска Игоря Святославича («Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша родъ Афѣтов» — явный остаток в «Задонщине» «Слова о полку Игореве»).

Разбор этой статьи А. Мазона был сделан Р. Якобсоном в уже упоминавшейся нами статье «The puzzles of the Igor' tale», напечатанной в журнале «Speculum».²⁰⁴ Р. Якобсон подробно разобрал новые попытки А. Мазона найти в «Слове» различные модернизмы и показал, что все они основаны на простых недоразумениях или натяжках.

Данная статья не ставит своей целью разобрать всю аргументацию А. Мазона и ответить на все его положения. Она касается лишь методики А. Мазона — общей системы его доказательств.

²⁰² «Задонщина». — Литературная учеба, 1941, № 3.

²⁰³ М.—Л., 1945.

²⁰⁴ R. J a k o b s o n. The puzzles of the Igor' tale, on the 150th anniversary of its first edition.

Приведенных примеров, как нам кажется, вполне достаточно, чтобы увидеть, что аргументация А. Мазона не систематична, основывается на неполном привлечении материала древнерусской литературы, тороплива и субъективно интерпретирует факты.

Проверка утверждений А. Мазона не подтверждает их; А. Мазон игнорирует даже общеизвестный материал, игнорирует подчас текст «Задонщины».

*

Скептическое отношение к «Слову» приняло вполне легкомысленный характер у эпигонов А. Мазона. Не утруждая себя серьезными исследованиями, эпигоны эти ограничиваются общими рассуждениями на тему о «таинственной» судьбе рукописи «Слова», его одиночестве и несхожести с другими памятниками древнерусской литературы того же периода и пр. Показательна в этом отношении работа польского эмигранта Г. Пашкевича «The origin of Russia»,²⁰⁵ в которой имеется специальная глава, посвященная «доказательствам» подложности «Слова о полку Игореве».

Сомнения и вопросы Г. Пашкевича в отношении литературной судьбы «Слова» звучат крайне наивно для специалиста по древней русской литературе. Соглашаясь с тем, что «Слово» в отдельных своих пассажах очень близко ко многим памятникам древней русской литературы, Г. Пашкевич заявляет, что это не обязательно свидетельствует в пользу того, что «Слово» отразилось во всех этих памятниках: «Вывод с равным успехом может быть перевернут: автор „Слова“ мог выбирать свои тексты различной длины из всех этих памятников». Далее он утверждает: «Не легко объяснить — почему другие авторы должны быть подозреваемы в том, что они вводили в свои произведения различные фразы и пассажи из „Слова“»,²⁰⁶ хотя ему должно было бы быть известно, что представлений о литературной собственности в средние века не было и что подавляющее число памятников древней Руси в той или иной мере компилятивно. В частности, «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище», заимствовавшие отдельные выражения и целые места из «Слова», включали заимствования и из других произведений. Так, «Сказание» следует за «Повестью о разорении Рязани Батыем» не в меньшей мере, чем «Задонщина» за «Словом о полку Игореве».

Спрашивает Г. Пашкевич и о том, почему «Слово» не переписывалось более часто. Но ведь о том, сколько раз переписывалось «Слово», мы совершенно ничего не знаем. «Нельзя отрицать, — пишет он, — исключительную популярность „Задонщины“, кото-

²⁰⁵ H. P a s z k i e w i c z. The Origin of Russia. London, 1954.

²⁰⁶ Там же, стр. 377.

рая описывает знаменитую победу над татарами в 1380 г. и которая копировалась и переписывалась много раз. Летопись „Нестора“, к примеру, была также популярна.²⁰⁷ Противопоставляя популярность «Задонщины» и летописи Нестора непопулярности «Слова», Г. Пашкевич допускает другую наивность. На самом деле, как известно, «Задонщина», несмотря на все ее «красоты», была вовсе не популярна (всего 5 списков, открытых сравнительно поздно), гораздо популярнее было, например, «Сказание о Мамаевом побоище» — произведение менее украшенное, но зато более насыщенное фактами. Летопись же Нестора как отдельное произведение вообще до нас не дошла. Она дошла в составе других летописей со значительными изменениями, и правильнее было бы говорить о популярности этих других летописей в целом.

Что же касается популярности вообще литературных произведений в древней Руси, то популярность эта в значительной мере зависела от сюжета произведений. Повести о Куликовской битве в XV—XVII вв. были потому так популярны, что они описывали значительнейшее событие русской истории. Интерес к этому событию передавался произведению. Поход же мелкого князя Игоря Святославича, к тому же кончившийся неудачей, интересовал в XV—XVII вв. очень мало. Интересовала х у д о ж е с т в е н н а я сторона «Слова», — она и использовалась в других произведениях. Поражение Игоря интересовало как контраст к Куликовской победе, поэтому и появилась «Задонщина» — своеобразный ответ на «Слово».²⁰⁸ Что же касается летописей, то интерес к ним, конечно, не соизмерим с интересом к «Слову»: летописи были своеобразными учебниками русской истории, они были настольными книгами русских людей. Что же, следовательно, удивительного в том, что «Задонщина» и летописи в XV—XVII вв. были популярнее «Слова»! Это явление вполне закономерное для средневековья.

Вслед за А. Мазоном и первыми скептиками Г. Пашкевич в своих доказательствах поддельности «Слова» придает очень большое значение «язычеству» «Слова». Он считает его невероятным для XII в. и для человека сравнительно начитанного, близкого к княжеской среде. Он согласен признать двоеверие крестьянства, но не княжеской среды. Здесь Г. Пашкевич переносит на XII в. свои представления о «двоеверии» крестьянства XX в. Как блестяще доказано В. Л. Комаровичем на огромном фактическом материале, княжеская среда XII—XIII вв. сохраняла множество остатков языческих представлений.²⁰⁹ Но самое главное не это: «язычество»

²⁰⁷ Там же, стр. 337—338.

²⁰⁸ См. об этом: Д. Л и х а ч е в. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 76—78.

²⁰⁹ См.: В. Л. К о м а р о в и ч. Культ Рода и Земли в княжеской среде XII—XIII вв. — ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960.

автора «Слова о полку Игореве» очень относительно. Использование старых религий, их образов и символов, в частности античной, в эстетических целях — явление обычное. Оно не свидетельствует о верованиях автора. Автор «Слова», как это мы показываем в другой статье настоящего сборника,²¹⁰ отнюдь не верит в языческих богов: они для него художественное обобщение.

В высшей степени странно у Г. Пашкевича противопоставление язычества автора «Слова» ненависти к язычеству летописца Нестора. По-видимому, Г. Пашкевич в данном случае просто незнаком с литературой вопроса. Последние страницы «Повести временных лет» (под 1114 г.) отличаются спокойным и примиренным отношением к язычеству.²¹¹

Извлекая из исследовательской литературы о «Слове» различные противоречия (противоречия в толкованиях произведений — вещь обычная и для произведений XIX—XX вв.) и играя этими противоречиями, Г. Пашкевич стремится создать впечатление о полной зыбкости всех представлений о «Слове». Иногда, впрочем, эти противоречия мнимые, иногда же Г. Пашкевич неправильно толкует или неправильно понимает мнения исследователей. Так, например, Г. Пашкевич противопоставляет мнению М. Д. Приселкова о том, что «Слово» представляет интерес как исторический памятник, суждение акад. А. С. Орлова о том, что в «Слове» ход событий смещен под влиянием поэтических задач, стоявших перед автором.²¹²

²¹⁰ См.: Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы.

²¹¹ См. об этом: Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, главы: «Боги в „Слове о полку Игореве“ и новый взгляд на язычество у древнерусских книжников» и «Два взгляда на язычество у древнерусских книжников». С точки зрения летописца, боги — предки, «по нечестию их некогда обоготворяли; после же принятия крещения перестали люди заблуждаться и теперь, вовсе не содрогаясь при имени какого-либо языческого бога, отлично понимают, что имя это просто принадлежало такому же человеку, только человеку выдающемуся, так что стоит даже и вспомнить его добром. Вне летописи (в Пов. вр. лет под 1114 г., — Д. Л.) подобный взгляд выражен в русской вставке „Хождения пресвятыя богородицы по мукам“. Тут представлены мучения, как поверивших и обоготворивших „юже бг тварь бог на работу створил“, так и тех, кто „богы назваша“ еще и „человчъска имена“: Трояна, Хърса, Велеса, Перуна; всем им страдающие теперь перед сошедшей в ад богородицей нечестивцы „на боги обративша“ веровали и клали требы. Подобный взгляд на происхождение языческих богов называется эвгемеризмом. Он довольно распространен в патристике. Из западных историков его придерживаются многие историки, писавшие об язычниках. Так думал об Одине Саксон Грамматик» (там же, стр. 336). В «Слове о полку Игореве» эвгемеризм выражен очень резко (люди и отдельные явления — потомки богов; боги — предки). Отсюда и примиренность, которая характерна и для летописца (под 1114 г.).

²¹² См.: А. С. Орлов. 750-летие «Слова о полку Игореве». — Вестник АН СССР, 1938, № 5, стр. 66—67.

Но разве есть, вообще говоря, литературный исторический источник, в котором задачи составителя его так или иначе не отражались на его содержании? Только наивный источниковед может отвергнуть источник или тем более признать его не современным событием, если в нем освещение фактов, подбор их отразил особые задачи, стоявшие перед автором. Ведь и самые эти задачи представляют громадный исторический интерес для источниковеда. И, в частности, сам М. Д. Приселков, высоко оценивающий «Слово» как исторический источник, называл «Слово» агитационным и пропагандистским сочинением.²¹³

Противопоставляя рассказ «Слова» о походе Игоря рассказу Ипатьевской летописи в смысле его исторической последовательности, Г. Пашкевич наивно делает из этого сопоставления вывод о сомнительности подлинности «Слова».²¹⁴ Но разве художественность произведения в противопоставлении документальности исторических сочинений может, вообще говоря, всерьез выдвигаться в качестве аргумента против подлинности первых? В таком случае мы должны были бы сомневаться в подлинности не только «Слова», но и «Задонщины» (сравнительно с летописью события Куликовской битвы изложены в ней очень неотчетливо), «Слова о погибели», «Повестей об Азовском осадном сидении казаков» и т. д.

Не стану перечислять всех общих рассуждений Г. Пашкевича по поводу поддельности «Слова». Они наивны, автор не дал себе труда познакомиться с литературой вопроса, вникнуть в доказательства защитников подлинности «Слова» и даже их противников-скептиков.

Единственно, почему мы решили остановиться на его рассуждениях, — это потому, что их наивность типична. Они рассчитаны на неспециалистов, на создание общего впечатления. Они граничат с полным неуважением к ученым, писавшим о «Слове», и, конечно, имеют антирусскую направленность.

*

Пример явно пристрастного отношения к фактам языка «Слова» дает статья польского ученого В. Ташицкого «Les formes patronymiques insolites dans le Slovo d'Igor» в «Revue des études slaves».²¹⁵ В. Ташицкий заподозрил правильность и закономерность отчества на «влич»: Мстиславлич, Святославлич, Вячеславлич. Он считает, что эти формы искусственно созданы автором XVIII в., чтобы

²¹³ См.: М. Д. П р и с е л к о в. «Слово о полку Игореве» как исторический источник. — «Историк-марксист», 1938, № 6.

²¹⁴ См.: Н. P a s z k i e w i c z. The Origin of Russia, стр. 340—341.

²¹⁵ RÉS, XXVII, 1—4, стр. 23—28.

придать созданному им «Слову» архаический характер. Почему же, однако, формы на «влич» могли показаться более архаичными, чем формы на «вич»? Оказывается, потому, что форма на «влич» несколько раз встречается в летописи (в Лаврентьевской и в Ипатьевской) и в новгородских грамотах! «Подозрительным» в этой связи оказывается только то, что форма на «влич» в «Слове» употребляется чаще, чем в других источниках!²¹⁶

Совершенно ясно, что в своем анализе языка «Слова» В. Ташицкий не приходит к выводу о поддельности «Слова», а исходит из предположения, что «Слово» — памятник XVIII в. Так поступают и авторы других статей о «Слове о полку Игореве», время от времени появляющихся в руководимом А. Мазоном журнале «Revue des études slaves».

*

Как уже было сказано, я сознательно не ставил перед собой задачи подробного освещения исследований тех авторов, которым самим предоставлена возможность выступить на страницах данной книги. Их статьи содержат все то, что ими было наиболее убедительно сказано в защиту «Слова».

²¹⁶ Анализ статьи В. Ташицкого см. ниже, в статье А. В. Соловьёва, стр. 291—297.